

Е. А. Ohlin

Иллюзия Власти. Том 2

Битва за Корону. В конце всего

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Е. А. Ohlin

Иллюзия власти. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ohlin E. A.

Иллюзия власти. Том 2 / Е. А. Ohlin — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Во второй том вошли две книги из цикла "Иллюзия Власти" - "Битва за Корону" и "В конце всего". Произведение написано в стиле психологического тёмного фэнтези. Путь эльфов лежит через земли жестокого Полночного Демона Наммтара к его старинному оплоту. Там совершенно нет места ни дружбе, ни преданности, ни чести, ни любви. Но так ли это на самом деле, как кажется на первый взгляд? Что же чувствуют в глубине своих тёмных душ порождения Преисподней? Об этом третья книга, в которой рассказана история злейшего врага главного героя саги – Наммтара. Война между сумеречными эльфами и войсками Полночного Демона набирает силу, так сбудется ли зловещее пророчество Последнего Императора? Неожиданно в игру вступает третья, ранее неизвестная сила, смертоносная для обеих других сторон. И победитель в этой войне будет лишь один. Но что он почувствует, стоя посреди мёртвых тел, поверженных им врагов, что отдаст он ради победы и будет ли ей рад в итоге? Содержит нецензурную брань.

© Ohlin E. A., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Книга Третья. Битва за Корону

Глава 1. Золотые цветы на снегу

Было уже далеко за полночь, когда раздавшийся стук в дверь, вырвал Наммтара из нежных объятий полудрёмы. Открыв глаза, он сбросил со своей груди старую книгу, которую читал, перед тем как заснуть. Может, это – сон и ему показалось? Но стук в дверь опять повторился, только уже громче и настойчивей.

– Да! – раздражённо крикнул король, грязно выругавшись про себя. – Кого там Чёрт принёс?

Дверь открылась, и в комнату медленно зашёл старик в длинном бордовом балахоне, держа в руках запечатанное письмо. Это был Ольвин, его дед. Вернее, дядя его матери, пожилой эльф, на чьём лице морщинами отразились прожитые века в Стране Смерти. Ему было уже за триста лет, и он еле ходил, но всё же сохранил здравый ум и ясную память, что не раз помогало молодому королю и его предшественнику на троне Андэгара. Старик был по-отечески добр к Наммтару и пытался, как мог помочь тому советом, всегда находя для него время, чтобы выслушать, а также нужные слова, чтобы поддержать. И Наммтар был благодарен ему за это, ведь дед стал для него единственной родной душой в этой чужой стране.

Когда-то пожилой эльф заменил осиротевшей матери Наммтара и её брату погибших родителей, Ольвин привязался к племянникам как к родным детям, ставшим для него отрадой. Их гибель, спустя годы, чуть не свела самого полуслеплого старика в могилу – собственными руками он похоронил своих племянников, опустив в холодную землю Андэгара их тела, и не видя причин жить дальше, стал готовиться к смерти. Но неожиданно он обрёл новый смысл в жизни. Им стал молодой король этих земель, сын Элими, племянницы Ольвина, юноша, едва переступивший порог четырнадцатилетия. Оставшийся без матери и высланный отцом править чужой страной, потерянный и терзаемый совестью, он нашёл в престарелом родиче единственного друга и опору. А когда молодой король впервые улыбнулся ему улыбкой своей матери, старик решил повременить со смертью и пожить ещё немного, чтобы помочь и этому осиротевшему мальчишке.

Они могли часами разговаривать, Ольвин рассказывал внуку истории сражения из своей молодости: о том, как в одиночку он спас своего младшего брата, Эвана, из плена жрецов Смерти, ставшего позже мужем королевы Эст'Кайи, и о подвигах знакомых ему воителей. Он часто любил вспоминать о детских проделках своих приёмных детей, которые будучи совсем юными, были весьма своенравные и непослушные, но ласковые и отзывчивые. Ольвин стирал горькие слёзы с глаз внука, когда тот слушал о своей матери. Он расспрашивал деда о ней, с жадностью ловил каждое его слово, словно бы эти рассказы могли оживить её хоть на мгновение. Старику было очень жаль его, ведь парень провёл со своей матерью так мало лет, а Ольвин вырастил её, проведя со своими племянниками гораздо больше времени, ведь растил их с самого раннего детства, ибо королевская чета была часто занята государственными делами и времени на детей у них порою просто не оставалось.

Он помнил своих племянников так ясно, как будто бы ещё вчера они с криками и визгами бегали по коридорам дворца, размахивая деревянными мечами, причём зачастую наследный принц был бит принцессой. Помнил, как они постоянно сбегали в старый охотничий домик, что на окраине леса, и возвращались оттуда все грязные и в синяках. Позже, перебивая друг друга, дети рассказывали дяде о том, что охотились в старинных дебрях за чудовищами и заросшим мхом хранителем леса. И как-то раз племянники даже принесли Ольвину необычную крупную трёхголовую ящерицу, маслянисто-чёрного цвета с красными, как рубины, глазами. К сожалению, рептилия прожила не долго: в ходе делёжки, кому она будет принадлежать, дети ненароком оторвали ей две из трёх голов, что стало для неё смертельно. Позже Ольвину при-

шло долго успокаивать заливающуюся слезами юную принцессу, корившую себя за гибель животного.

Не забыть ему взгляда своего названного сына, чьи большие светло-серого цвета глаза то сияли звёздным светом, подобно очам первых эльфов, то сверкали сталью, словно два безжалостных клинка, а жизнерадостная улыбка могла развеять любую тоску и печаль. Нефтали был самым светлым из всех эльфов, которых знал когда-либо старик, бескорыстным и честным, всегда готовым прийти на помощь другому. Он мог быть упрямым и непоколебимым, неотвратимо идущем к своей цели, если был уверен, что она блага. Была у племянника Ольвина и ещё одна особенность – он был великолепным фехтовальщиком, бесстрашным и ловким воином, во всех Землях Смерти ему не было равных во владении клинком, ни до, ни после него. Даже лучший воин Наммтара, Марэк, был лишь бледной тенью дяди молодого короля. Не ведая усталости, зная иль стужи, Нефтали мог днями напролёт тренироваться с мечом, во внутреннем дворе крепости, сражая одного противника за другим. И порою за ним наблюдала его сестра, Элими, сидевшая возле окна и вышивавшая свои чудесные картины.

Помнил Ольвин день коронации своего племянника, когда на русоволосую голову нового правителя, высокого и стройного, облачённого в сияющие доспехи с развевающимся алым плащом за плечами, возложили древний венец Анорла. Весь Андэгар, от северных озёр до южных пустынь ликовал тогда. Надежда и счастье вновь вернулись в сердца эльфов, печалившихся прежде о смерти королевы Эст'Кайии и её супруга.

Но коронация Нефтали подняла вопрос о его женитьбе, ведь королю нужен был наследник, так как правящий дом был очень малочисленный. И тут возникла проблема – эту тему новый правитель Андэгара старался всячески обходить, отшучиваясь, что мол, ещё рано. Тогда кто-то из придворных предложил поженить его с сестрою, подобно Анвельту с Лиайрой. Нефтали ничего не ответил тогда, лишь что-то буркнул себе под нос, в спешке удалившись из залы советов, а бедняжку Элими подобная затея вогнала в такую краску, что она не появлялась при дворе ещё несколько недель, отсидевшись в своих покоях. Позже про эту идею забыли. Но не король, как оказалось. Он стал задумчивым и необычайно тихим, подолгу пребывал в уединении, словно что-то затевая.

Ну, а потом, как гром среди ясного неба в их жизнях появился Морайрист, владыка Эрейвинга. Он нарушил привычный ход вещей, перевернув всё с ног на голову, и увёз принцессу Элими в свою холодную страну, сделав её своей женою. Нефтали сильно изменился после отъезда своей сестры. И пусть он был всё так же весел и жизнерадостен, но всё чаще Ольвин замечал, что в смехе его племянника звучат нотки печали, а глаза полны тоски. Пожилой эльф знал, что парень скучает по сестре, ведь они были неразлучны всегда, хоть и старается скрывать свои чувства.

Однажды Ольвин застал своего племянника в крипте, но не возле могилы родителей, как стоило бы ожидать, а возле надгробия короля Анвельта, его деда. Нефтали не заметил, как в склепе появился его родич, он сидел, понутив голову, неотрывно глядя в пустые глаза статуи своего предка, и повторял: «Как же мне быть?». Заметив, наконец, присутствие Ольвина, он, в очередной раз, отшутился и ринулся прочь, не разбирая дороги, но старик успел заметить, блестящие на щеках парня, слёзы.

Когда, ставшая на тот момент королевой, Элими родила своему мужу сына, её брат несколько успокоился. По крайней мере, так выглядело со стороны. Улыбка вновь озаряла его лицо, и, казалось бы, он стал прежним – приветливым и радостным. Но ненадолго, те страсти, что бушевали в душе короля, не стихли даже со временем. Лишь ожидали случая, чтобы вырваться наружу...

Ольвин помнил свою милую названную дочь, Элими, с её большими серо-зелёными глазами цвета речного топаза, и длинными волнами золотисто-рыжих волос. То молчаливую и тихую, вышивающую свои прекрасные картины или задумчиво сидящую возле окна, то улы-

бающуюся хитрой загадочной улыбкой, гордую и упрямую, непокорную и своенравную, но с добрым и сострадательным сердцем, порою так легко ранимую. Он помнил её свадьбу, и как она покинула свой отчий дом, оставив холодную пустоту в нём и в сердцах его обитателей. Лишь несколько шёлковых гобеленов – работы рук принцессы, напоминали теперь о ней.

Только дважды Элими возвращалась в Крепость Адриана, чтобы навестить своих родных. Первый раз она приехала в компании мужа, бывшего по своему обыкновению мрачным и неразговорчивым, и маленького сына – непоседливого и озорного мальчугана с такими же рыжими волосами как и у его матери. Когда-то из Андэгара уехала юная наивная принцесса с полными надежд горящими глазами, вернулась же туда королева, статная и гордая, с высоко поднятой головою, увенчанной тиарой, в тяжёлых одеждах, расшитых драгоценными камнями и отороченных мехами. Ольвин видел, как изменилась его племянница, став настоящей северянкой, лишь взгляд и улыбка её оставались прежними.

Не мог отвести от неё восхищённых глаз и Неф, безумно радовавшийся приезду сестры. Он весь день не мог отойти от неё, не мог выпустить хоть на мгновение руки королевы из своей. Жаль лишь, что тот прекрасный визит был омрачён ссорой двух королев, Андэгара и Эрейвинга. Последний был крайне ревнив и счёл братские объятия недопустимой дерзостью. В полдень второго дня, после прибытия Элими с семьёй, Нефтали, доселе тщательно старавшийся не пересекаться с Морайристом, пригласил его в сад, для приватной беседы. Впрочем, она очень быстро переросла в скандал.

На дикие крики и отборную ругань, от которой стало бы дурно даже нетрезвому разбойнику, что доносились из сада, сбежались придворные, и им пришлось приложить немало усилий, чтобы разнять вцепившихся друг в друга, подобно двум бешеным зверям, королев. Что же послужило причиной этой распри, что такого произошло минувшей ночью? Об этом владыка Андэгара молчал. Но с тех пор стал отзываться о правителе Эрейвинга с такой лютой ненавистью, о наличии которой в душе этого светлого эльфа Ольвин даже и не подозревал. После этого неприятного происшествия королевская чета Эрейвинга была вынуждена спешно покинуть Андэгар, к всеобщему разочарованию его жителей.

Встреча с сестрою и ссора с её мужем сделали Нефа ещё более мрачным. Пусть при свете дня он всё ещё был общительным и доброжелательным, хотя от его прежнего веселья и лёгкости не осталось и следа. Но нередко в самые тёмные ночи, когда пожилому элфу не спалось, и он бродил по замку, Ольвин слышал, как, взобравшийся на крышу крепости, его племянник воет волком от тоски. Это разбивало старику сердце, ведь он был не в силах ему помочь, хоть и знал причину его мучений. Да уж, воистину, на свете нет отравы большей, чем любовь...

Король подолгу пребывал в уединении и часто покидал свой дворец, отправляясь в, лишь ему одному ведомые, места. Было видно, что он что-то затевает, но Нефтали тщательно скрывал свои планы. Однажды король вернулся из своего очередного долгого похода подозрительно спокойный и с ледяным холодом в серых глазах. Более он не покидал свой замок. Но с того дня Нефтали сделался суровым и непреклонным...

Ольвин помнил свою племянницу в последний раз вернувшуюся в Андэгар, сломленную, забитую, измученную, неразговорчивую, всю покрытую ссадинами, вздрагивающую при каждом резком движении или громком звуке, со страхом в потухших зелёных глазах. Она дни напролёт проводила в одиночестве, запершись в своих покоях, не желая никого видеть. Проведя чуть меньше месяца в отчем доме, Элими также внезапно, как и прибыла в него, покинула замок. Всё так же в спешке, со слезами и страхом в глазах. Этот поспешный отъезд стал загадкой для Ольвина, но он догадывался, что ответ ведом лишь Нефу, хранившему гробовое молчание.

В памяти Ольвина навечно застыл образ Нефтали, его племянника, который был добрым, пусть порою несносным мальчишкой, слегка застенчивым и скрытным, но искренним и пре-

данным, ставшим, в итоге, честным и благородным мужчиной, справедливым и мудрым, не по годам, королём. Весь народ любил своего правителя, возлагая на него большие надежды, и вся страна осиротела в день его смерти. Плач и призывы к мести доносились тогда из каждого дома. Сколько раз Ольвин корил себя за то, что так и не остановил Нефа в тот роковой холодный зимний день, когда его племянник стремительно покинул Крепость Адриана на своём бело-снежном коне, умчавшего своего всадника в заснеженную даль, на встречу к смерти. Когда же Ольвин спросил Нефтали о том, куда он направляется, то король лишь коротко ответил: "Исправлять ошибку". Что он имел тогда ввиду, пожилой эльф так и не узнал.

Когда-то Ольвин держал Элими, совсем малышку, на руках, относя, заснувшую, в кровать, пел им с братом колыбельную песню, и слушал, как они тихо сопят во сне. Помнил пожилой эльф и то, как держал безжизненное тело своей племянницы, неся его из повозки в густую рощу, где он сам выкопал ей с братом могилы, рядом друг с другом, как в детстве, чтобы были они вместе всегда. Тогда Ольвин спел своим детям колыбельную в последний раз. Вместе с их смертью умерла и душа пожилого эльфа. Воскресил её прибывший в Андэгар новый король, тот, что был когда-то тем самым рыжеволосым мальчиком, что приезжал вместе с матерью и отцом. И которого так отчаянно не желал принимать эльфийский народ, вина сына в грехах отца. Но только не Ольвин, для старика юноша стал отрадой и смыслом жизни.

Прошли годы, и парень вырос в сильного мужчину, и хоть лицом он был копией своего отца, но характер у него был матери – упрямый и неугомонный. Жадный до знаний, он быстро перечитал все книги в библиотеке, везде пытаясь докопаться до сути. А ещё от матери молодой король унаследовал тягу к справедливости. И когда настало время, Ольвин рассказал внуку всё то, что он знал о смерти своих племянников. Со слезами на глазах и болью в голосе, он оживил в памяти тот жуткий момент, когда узрел их тела, вернее то, что от них осталось. И горькая действительность явно не соответствовала тому рассказу, что поведал сыну владыка Эрейвинга. Молодой король долго размышлял над услышанным, и, в конце концов, поднял знамёна против своего отца и низверг того. Вот только гибель родителя мать ему не вернула, как не вернула и покой его мечущейся душе. Но он сделал свой выбор, возможно даже, восстановил справедливость. Но вот только мёртвым месть уже ни к чему, она нужна лишь живым, чтобы заглушить голос совести хоть какими-то действиями, пусть и давно запоздалыми.

Слабо улыбнувшись деду, Наммтар принял письмо из его сморщенных рук, сломал печать и принялся внимательно читать. Старик сел на краешек его кровати и, понурился, молча ждал.

– Роарк пишет, что Фиамус мёртв, – ледяным голосом промолвил король. – а ещё, что армия чужаков идёт вглубь страны, разоряя и сжигая всё на своём пути. Они двигаются в сторону Твердыни Вечной Ночи.

Наммтар отбросил письмо, упал обратно на подушки и, закрыв глаза, прорычал:

– Проклятые глупцы! Какой Чёрт их дёрнул отправится туда?! Что может понадобиться толпе вояк в оледенелой мёртвой пустыне? А может, это Он? – спросил король сам себя, – Да нет, вряд ли, Он не может!

– Они убили Фиамуса, – напомнил старик. – значит, это не простые вояки. Но как они смогли его одолеть? Он же был Духом Огня! Никто из смертных не в силах был победить его.

Молодой король открыл глаза, их цвет изменился и стал практически чёрным, лицо его исказила внезапная догадка:

– Они идут к Колодцу! Убогие безумцы! Они идут туда! Это происки отца, не иначе! Это Он помог им убить Фиамуса!

– Тару! – воззвал старик. – Успокойся! Твой отец не может покинуть границы Сердца Энтропии, ты же знаешь это. Наверняка, это эльфы из Сумеречных земель, похоже, они сумели как-то пройти через Портал и явились мстить тебе, думая, что ты находишься на севере. Видно, мы их недооценили. Говорил же я: эти набеги – не самое удачное решение. Но вы никогда меня не слушаете...

Наммтар сел на кровати и уставился на своего деда так, словно бы впервые видит его. Спустя мгновение, тряхнув густой рыжей шевелюрой, он вскочил на ноги и произнёс:

– Эльфы это или кто-то ещё, есть лишь один способ разобраться – я еду в Эрейвинг со своим войском. Нужно изловить тварей, убивших Фиамуса и бесчинствующих в моих землях! Они ещё горько пожалеют, что вообще сунулись сюда!

Голос его звучал непреклонно, в глазах пылала свирепая уверенность, и старик понял, что отговаривать внука бесполезно.

– Я прикажу подготовить твои доспехи и коня, мой король. – устало молвил Ольвин и пошёл, шаркая прочь.

Наммтар кивнул и проводил его быстрым взглядом. Затем стал стаскивать с себя чёрную ночную одежду. На его белой груди тускло блеснул в свете лампы плоский многогранный кристалл, в который, словно бы вмёрзший в лёд осенний лист, был заключён локон окровавленных золотисто-рыжих волос.

Ранее утро выдалось на редкость холодным и неприятным. Осень уже давно пришла в Андэгар. Промозглый ветер срывал с деревьев последние пожелтевшие листья. Хмурые тучи на небе едва позволяли пробиваться рассветным лучам и обещали дождливую погоду на долго. Скоро наступит зима, и ледяные руки Эрейвинга дотянутся до здешних земель, усыпляя всё живое и заковывая леса и поля в белый снег на полгода. Но тем, кто жил в этих краях повезло куда больше, чем их северным соседям, в чьих землях царила наиболее жестокая стужа.

Большой вороной конь, покрытый бронёю, нетерпеливо бил копытом по опавшей листве и гневно фыркал – жеребец не привык долго стоять на одном месте, лишь скорость и свобода были ему по душе, равно как и его всаднику. Высокий воин, восседавший на этом коне, был облачён в чёрные, поглощающие свет, латы с выгравированными на них зловецкими заклинаниями, дающими неуязвимость в сражении. И, по отсутствию зазубрин и вмятин на доспехах, можно было судить, что они действуют. Тяжёлый чёрный плащ, почти до земли закрывавший задние ноги коня, и скреплённый массивной серебристой цепью на шее, едва колыхался на сильном ветру. Передние пряди длинных, до локтя, золотисто-рыжих волос всадника были забраны в хвост на затылке, остальные же огненным знаменем развевались в беспокойном воздухе.

Наммтар никогда не носил алого плаща королей Андэгара, заявив, что последним правителем этой страны был его дядя, король Нефтали, а он же является Повелителем всех Земель Смерти, от Андэгара до Эрейвинга. Но, на самом деле, в глубине своей души, он всё ещё винил себя в гибели Нефтали и просто не хотел носить его красное одеяние, как вечное напоминание о былых ошибках, предпочтя чёрный цвет своего отца.

Молодой король оглядел своё войско хмурым взором, настроение у него сегодня было под стать погоде – такое же мрачное. Тяжкие думы о том, кто же мог сгубить Фиамуса тяготили Наммтара. Нелёгким оказалось и расставание с Селинией и Ольвином, отчаянно не желавших его отпускать. Да и предстоящий трудный путь не особо радовал его: горные тропы и перевалы гряды Мирэлл, а так же обледенелая пустыня с коварными пропастями и обрывами – сложный ландшафт делал невозможным быстрое передвижение большой армии. Раньше, когда две страны воевали друг с другом, это было полезно, но сейчас, в мирное время, создавало лишь

проблемы. Несколько раз он брался за строительство дороги, которая связала бы его земли, но из-за частых землетрясений дело не шло – с каждой стороны Тракт тянулся лишь на несколько десятков лиг, дальше было бездорожье.

Со злостью и скорбью завывали, снующие у ног его коня, гончие Ада – две чёрные бестии лишь отдалённо напоминающие псов. Крупные, с пол-лошади размером, они были покрыты тёмными маслянистыми шипами разной длины, чёрные когти, подобные бритвам, украшали их цепкие лапы, из ощерившихся пастей торчали смертоносные клыки, и капала ядовитая слюна. Глаза собак горели свирепым кровавым адовым огнём. Две демонические сущности, воплощённые в псов, когда-то были поработаны Наммтаром, теперь ставшие его верными спутниками и опасным оружием. Король дотронулся рукою, в железной перчатке, до алой рукояти Хорнорна, ледяного клинка его отца и, натянув поводья, пустил коня галопом. Его войско немедленно последовало за ним, чёрной рекою вытекая из врат Крепости Адриана. Ни простые войны, ни их, унёсшийся молнией, Владыка не догадывались о том, что неподалёку, из-за крутого холма, за ними наблюдает пара изумрудных глаз...

Дождь сменился колючим снегом, а ветер даже и не думал стихать – шёл третий день их пути, но погода всё также была ненастной. И чем ближе войско Наммтара подъезжало к границам Эрейвинга, тем всё холоднее становилось. Близилась середина пути – но следов чужаков пока не наблюдалось, что подтверждало опасения короля о том, что ушли они к Колодцу. На горизонте показалось большое дерево, некогда отмечавшее древнюю границу между странами. Старое, тёмно-серое с высохшими изломанными ветвями, и кривым потрескавшимся стволом, оно давно уже было мертво. Наммтар, будучи демонической крови, никогда не замерзал, его тело не страдало от холода или жара, но чем ближе он приближался к этому дереву, тем всё настойчивее в его душу рвалось леденящее чувство, заставляя короля ёжиться в тяжёлых доспехах.

"Это место рядом" – с грустью подумал он и, направив коня влево, свернул с пути. Время и ветер давно уже стёрли все следы произошедшей здесь, почти двадцать лет назад, бойни. Хотя, если приглядеться к высохшему стволу, то можно заметить отверстие от арбалетного болта, который пригвоздил когда-то к этому дереву одного из воинов короля Нефтали. Здесь, возле этой старой коряги, последний правитель Андэгара расстался с жизнью, а вместе с ним, сопровождавшие его тогда, немногочисленные спутники. Тело короля отправили на родину, но вот его солдаты ещё долго кормили местных падальщиков, являя собою молчаливое предупреждение всем врагам короны Эрейвинга. Когда Наммтар был отослан отцом в Андэгар, по пути, он велел забрать кости с собою, дабы дать им достойное погребение.

Молча проехал он по этому скорбному месту и пустил коня дальше по ледяной пустыне.

– Мой король, у нас нет времени на остановки. – молвил подъехавший к нему воин по имени Марэк. – Дозорные говорят, что вражеский отряд в трёх милях езды отсюда.

Наммтар одарил его ледяным взором и сквозь зубы прошипел:

– На память у меня есть время всегда! Оставьте меня, я догоню вас позже.

Войско его пошло дальше, он же отправился в сторону один, туда, где зияла чёрными расщелинами ледяная пустошь. Король люто ненавидел дорогу между двумя странами за то, что она пролегла через это место. Он ненавидел и его, желал бы промчаться мимо, не замечая, но не мог. Спешившись с коня, Наммтар подошёл к краю ущелья, глубиной около пяти метров. Лишь тёмный лёд и, вмёрзшие в него, камни увидел он там. Крови уже не было. Он с лёгкостью спрыгнул вниз на дно расщелины. Когда он пришёл сюда впервые, то его даже замутило от вида огромной жуткой лужи замёрзшей крови на оледенелом дне. Тогда он, помнится, подумал, как же вся эта кровь могла в Ней уместиться, Она же была даже меньше ростом, чем он в то время.

Ан нет, если хорошенько расчистить твёрдый снег, то можно обнаружить под ним слой багряного льда. Король опустился на колени и устался на замёрзшую кровь, сняв перчатку, дотронулся до неё рукою. Здесь, на дне этого проклятого ущелья, почти двадцать лет назад, в адских муках умерла его мать, королева Элими. Ему стало тяжело дышать, он проглотил, подступивший к горлу, горький ком и закрыл, заволочённые слезами, синие глаза. Вой ветра отражался от холодных стен, леденящий душу, отчаянный, печальный. "Он перерезал ей горло и сбросил в пропасть". – вспомнил он слова отца, произнесённые бесстрастно и с каким-то пренебрежением, – "А потом я догнал его и вонзил ему кинжал в сердце". "Шея её была цела, а вот всё остальное..." – услышал он тихий голос деда, – "прости меня за эти слова, мой мальчик, мне тяжело говорить это, но похоже, что смерть её не была лёгкой и быстрой".

Открыв сапфировые очи, Наммтар понял, что плачет. Смахнув слёзы, он достал из, захваченной с собою, дорожной сумки букет крупных золотистых цветов, вперемешку с осенними листьями.

– Ты учила меня когда-то делать из них венки, – тихо молвил он, – но я так и не освоил это, а времени попросить Лин не было.

Он положил оранжево-жёлтый букет, пахнувший мёдом и листвою, на окровавленный лёд. Эти золотистые цветы очень любила его мать, они росли на её родине и даже в Эрейвинге, в закрытом саду, который построил специально для неё Морайрист, давно, ещё до рождения их сына. Поправив цветы, король грустно сказал:

– Я убил его, мама, отомстил за тебя... и теперь я один... прости меня, если сможешь. Как бы я хотел остаться навечно здесь, вместо тебя... Но я не могу даже этого...

Какое-то время он молча сидел, уставившись на золотые цветы, лежавшие на окровавленном льду, размышляя о том, что перепробовал все ведомые ему способы чтобы исправить свою роковую ошибку. Но вернуть мать из мира мёртвых он так и не сумел... Молодой король вспомнил, как однажды в одну из годовщин смерти королевы Элими и её брата, он застал своего деда, Ольвина, в покоях короля Нефтали. Старик держал в руках небольшую шкатулку из червлёного золота и с грустью разглядывал, покоящееся в ней ожерелье. Украшение состояло из множества речных топазов, огранённых в виде капель, каскадом ниспадающих, подобно дождю, оправленных в золото и имевших необычный серебристо-зелёный цвет, напомнивший Наммтару оттенок столь хорошо знакомых глаз. На его вопрос о том, что это, Ольвин ответил, что это ожерелье его племянник, Нефтали, собирался подарить своей избраннице, сделав ей тем самым предложение руки и сердца.

– Надо же, – удивился молодой король, – дядя собирался жениться? Но почему же этого так и не произошло?

– Он очень долго собирался с силами, боясь отказа, – тихо промолвил старик, – порою Неф был очень застенчив. А когда всё же решился, то было уже поздно – именно в тот самый день она объявила, что выходит замуж, за другого.

О том, кем была избранница его дяди, Наммтар не стал спрашивать, но и сам догадывался, кто это. Как знать, будь король Нефтали чуть порешительнее, всё, быть может, было бы иначе...

Тяжело вздохнув, Наммтар встал и, не оглядываясь, начал подниматься наверх. Выбравшись из расщелины, он вскочил на коня и галопом отправился догонять своё войско.

Глава 2. Квислинги

Вскоре Наммтар догнал свою армию. Жуткие псы приветствовали своего хозяина радостным воем. Весёлыми были и лица его солдат. Молодой оруженосец подъехал к королю и с улыбкой промолвил:

– Мой король! – он склонил голову в поклоне. – У нас хорошие вести: наши разведчики наткнулись на сожжённую заставу в полумиле отсюда, следы свежие – наши враги рядом!

– Отлично! – отозвался Наммтар, – А то я начал уже скучать в нашем длинном путешествии.

Большую часть войска он отправил дальше в Эрейвинг, сам же, взяв два отряда своих лучших людей, отправился в, указанную оруженосцем, сторону. Через некоторое время они наткнулись на догорающие руины, некогда бывшие пограничной заставой страны. Среди почерневших, обугленных камней лежали останки семерых солдат. В мирное время не было нужды в большом гарнизоне, поэтому на каждом из постов дежурили не более десяти человек. Этого хватало, чтобы следить за порядком и сохранностью форпоста, а также отсылать, при надобности, птиц с посланиями. Следы разорителей, ещё довольно свежие, уводили на северо-восток, в сторону Твердыни Вечной Ночи – королевской резиденции. Задумчиво разглядывал Наммтар, открывшуюся его взору, картину. Спешиваться он не стал.

– Они направились в глубь Эрейвинга. – заметил очевидное Марэк. – Нужно спешить, нагоним их и убьём!

Но король не разделял столь стремительных намерений своего первого воина. Молча он рассматривал затоптанное пепелище. Неторопливым шагом Наммтар объехал руины, изучая каждый камень, каждую обожжённую доску. Собаки его тем временем принялись обгладывать почерневшие кости мёртвых солдат.

– Что-то здесь не так, – Наммтар наклонил голову на бок, сапфировые глаза задумчиво смотрели на трапезничающих псов. – Их было не больше двух дюжин, они рыскают по окраинам наших земель, по почти безлюдным местам, разрушая редкие заставы и поселения старателей. Вглубь страны эти твари не суются, туда, где им могут дать отпор. Но они сеют разруху на довольно большой площади, а их здесь было мало, это значит, что они разделены на несколько небольших частей. Выходит, наших налётчиков около сотни, а может и того меньше. Что-то не похоже это на великую армию из Сумеречных земель, убившую Фиамуса и жаждущую взять штурмом Твердыню Вечной Ночи.

– Но Владыка, – возразил Марэк, – разведка донесла, что возле оплота Духа Огня побывало войско, как минимум, в тысячу солдат.

– Тогда где же оно? – спросил Наммтар. – Ведь здесь побывали лишь жалкие его крохи. – он сверлил своего воина испепеляющим взглядом сапфировых глаз, от которого тот поёжился и опустил голову. – Значит, они хотели, чтобы мы пришли сюда, думая, что Эрейвингу грозит опасность. Куда же, на самом деле, направились захватчики и каково их истинное количество?

Положив руку на эфес Хорнорна, молодой король повернулся в седле в сторону, где сейчас двигалась его армия.

– Скачи во весь опор и догони войско, – обратился он к Марэку, – вели им остановиться на привал, возможно, в Эрейвинг они не пойдут. Я же займусь отловом разорителей.

Воин поклонился и поскакал прочь, поднимая копытами коня ледяную пыль.

Наммтар мысленно подозвал своих псов и велел им взять след. Принюхавшись, собаки с лаем и рычанием метнулись в левую сторону от заставы.

– Но ведь следы уводят вправо! – неуверенно произнёс его сквайр.

Король скривил губы, словно бы услышал жужжание надоедливой мухи, но всё же удостоил оруженосца ответом:

– Гончие Ада зрят сквозь пространство и видят свою цель там, где она сейчас находится, а не куда уводят её следы, которые можно легко запутать.

Наммтар натянул поводья и направился следом за псами, обнажив свой длинный ледяной меч. Его войны последовали за ним, также достав оружие.

Псы быстро настигли небольшой отряд расхитителей, насчитывавший, как и предполагал Наммтар, всего две дюжины солдат. Незваные гости, судя по всему, собирались покинуть границы Эрейвинга, решив напоследок напасть на рыбацкую деревушку возле небольшого приграничного озера. С высоты холма, король молча наблюдал, как его враги, ещё ни подозревая о своём близком конце, спешно двигались по бездорожью на юг, тщательно заматывая следы. От внимательного взгляда сапфировых глаз не ускользнуло ничего: ни странные серые плащи чужеземцев, сливающиеся с местностью и постоянно меняющие свой оттенок; ни серебристые латы, искусно выкованные эльфами; ни необычные пепельно-серые волосы, длинные и прямые.

Возглавлял этот отряд крупный воин с большим мечом в левой руке и кнутом у пояса. В передние пряди его серых волос были вплетены алые ленты – "Возможно, это какой-то знак отличия", – подумал молодой король. Это были явно сумеречные эльфы или Анэру, как они себя называют. "Странно, – размышлял Наммтар, – я представлял их себе иначе. Благородных, величественных, неумолимых, овеванных лучами магии и восседающих на летающих ящерах. А эти какие-то убогие разбойники, жалкое отребье, и впрямь, «серые крысы», как прозвали сумеречных эльфов его войны. Лишь немногим лучше простых смертных. Ну, разве, что их вожак. Он хоть чем-то похож на тех эльфийских владык из старинных сказаний, которые в детстве мне читала мать".

Словно бы заметив на себе его пронзительный взгляд, предводитель Анэру обернулся в сторону холма и увидел короля. Его светло-голубые глаза со змеиными зрачками сузились от гнева и удивления, он что-то коротко крикнул своим солдатам и развернул своего коня, готовясь к бою. Взмахнув Хорнорном, зловеще блеснувшим алым всполохом, Наммтар отдал приказ об атаке, и половина его людей бросилась вперёд с холма, ведомые, люто лающими оскалившимися, гончими Ада. Остальная часть осталась со своим повелителем наблюдать свысока за битвой. Король брезговал вступать в сражения, этим он пошёл в своего отца, Морайриста, считавшего, что дело короля – править, а не махать мечом. Несмотря на свою неприязнь к битвам, Наммтар всё же весьма хорошо владел клинком, хотя редко пускал его в дело. Да и Хорнорн был выкован не для заурядных мирских сражений, а для работы с тёмными энергиями.

Тем временем королевские воины спустились к подножию холма и с злобным кличем принялись яростно сражаться с чужеземцами. Эльфы доблестно сопротивлялись нападавшим, каждый из них, прежде чем пасть, убивал троих, а то и четверых людей короля. Но всё же Анэру было всего две дюжины, а воинов Наммтара – сотня. Участь эльфов была предрешена: вскоре поле битвы было покрыто телами мёртвых и умирающих, а воздух пропитался запахом крови, хрипами и предсмертными стонами.

Продолжал сражаться лишь предводитель эльфийского отряда. Отступив к большой груде камней, закрывавшей ему тыл, он орудовал своим огромным мечом и кнутом. Шесть поверженных врагов лежало у его ног, с безумием в светлых глазах и пеной у рта, он замахнулся кнутом и проломил тяжёлым металлическим фолом череп седьмому противнику. Окровавленная кожаная змея вновь взметнулась в воздух, разбрызгивая капли тёмной крови и разбрасывая осколки костей и мозга, обвилась вокруг шеи следующей своей жертвы и свернула её с невероятной лёгкостью. Неестественно склонив голову на бок, восьмой воин глухо рухнул к ногам эльфа. Голубые глаза уже подыскивали себе новую жертву. Но тут на их обладателя со зловещим воем накинудись две чёрные псины. Не замечая ударов и пинков, звери вцепились в руки Анэру, легко прокусив толстую кольчугу, и повалили его наземь. Подбежавшие солдаты обезоружили брыкающегося и изрыгающего проклятия эльфа и скрутили тому руки, связав их за спиной.

Наммтар довольно улыбнулся, глядя на всё это с высоты холма: хоть и с некоторыми потерями, но битва была выиграна. Он было уже повернул своего вороного коня, чтобы направиться к ожидавшему его основному войску, но тут раздался гулкий зов рога и в, стоявший рядом с ним, отряд, с тыла врезались три десятка эльфийских всадников, под предводительством высокого воина с такими же алыми лентами в волосах, как и у первого вожака. Он диким голосом орал: "Антарий!" и сметал двумя своими мечами всё на своём пути, подобно смертоносному вихрю. Тут уж Наммтару, несмотря на всю его нелюбовь к сражениям, пришлось вступить в бой. Тяжело вздохнув, он кинулся в гущу битвы.

Замахнувшись своим ледяным клинком, король наскоку отсек голову одному из эльфов, которая как мяч покатилась по земле, и вонзил Хорнорн в грудь другому врагу, легко проломив тому доспехи. Отойдя от первого оцепенения, его воины принялись наступать на нападавших, оттесняя их к подножию холма. Вокруг звучал звон скреживающихся мечей, скрежет сминаемого металла, ржание лошадей и вопли раненных. Один из Анэру, выскочивший откуда-то с боку, занёс своё оружие над Наммтаром, но едва его клинок коснулся чёрных лат короля, эльф с душераздирающими криками упал с коня и испустил дух, поражённый проклятием рун. Матово-чёрные доспехи короля впитывали в себя, проливаемую на них, кровь и оставались абсолютно чистыми. Выкованные в древние времена во Тьме Хаоса под звуки чёрных заклятий, из странного металла, добытого в самом сердце земель Эрейвинга – в необитаемых Пустошах Зла, где нет ничего живого, доспехи эти делали своего владельца неуязвимым в бою, но требовали за это постоянных кровавых жертвоприношений. Их создателем и первым обладателем был Владыка Хаоса Морайрист, отец Наммтара.

На холм взобрались гончие Ада, выплюнув из окровавленных пастей чьи-то конечности, псины принялись собирать новую жатву. Тем временем, Наммтар убил ещё двоих – одного разрубил наискось, от плеча до противоположного бока, явив миру алые крылья его лёгких; другой пал от мощного удара в голову, превратившего её в бордовое месиво. Постепенно строй эльфов редел. Король нагнал одного из них, потерявшего коня, и спасающегося бегством с поля боя, и вогнал свой меч тому в основание шеи, сверху вниз. Незадачливый беглец осел на колени, захлёбываясь кровью и высвободил ледяной клинок из своего тела, на шипах которого повисли, вырванные из него, куски плоти.

С несмолкающим кличем "Антарий!" предводитель второго отряда чужеземцев всё ещё пытался прорваться сквозь королевских воинов. Наммтар проследил за взором его бешенных серо-голубых глаз, и понял, что тот рвётся к связанному пленнику на вершине холма. Воины короля взяли в кольцо десятков оставшихся в живых эльфов, сжимая его всё теснее. Солдаты расступились, пропуская к осаждённым врагам своего правителя. Медленно проехав сквозь строй, Наммтар обратился к предводителю Анэру:

– Бросайте оружие или пленник умрёт. – он кивнул головою на вершину холма, где одна из гончих Ада приблизилась свою поганую пасть к шее Антария. Она ожидала лишь приказа хозяина, позволившего бы ей впиться в плоть своей жертвы.

Алирий хмуро глянул в ту сторону, и злобно сверкнув глазами, плюнул кровью под копыта коня Наммтара.

– Если сложим мечи, поклянись сохранить жизнь моему брату и моим воинам! – потребовал он.

– Брату? – ухмыльнулся Наммтар. – Ну, прям Ульф и Олаф собственной персоной!

– Квислинг? – уточнил Алирий, недоверчиво глядя на него, соображая, откуда тот мог знать про героев старинной эльтамирианской баллады.

– Обещаю. – заявил король. Лицо его не выражало никаких эмоций. Лишь очи полыхали синим пламенем. – Я не убью вас.

– И как я могу тебе верить? – печально спросил эльф.

– А разве у тебя есть выбор? – пожал плечами Наммтар. – Сдавайтесь или же умрите все здесь! Это вопрос лишь времени – вы обречены, и ты это знаешь.

Витиевато выругавшись на языке, который Наммтар плохо понимал, Алирий бросил наземь свои мечи. Его примеру последовали и остальные Анэру.

По прошествии небольшого времени, Наммтар и его несколько поубавившиеся спутники въехали в лагерь королевской армии, в сопровождении одиннадцати связанных и понурых пленников. Выйдя на встречу своему повелителю, Марэк отчитался и спросил, какие будут у него приказания.

– Пошли сотню людей на поиски третьего отряда иноземцев. – промолвил король, – Пусть возьмут моих псов – пришельцы хитры и опасны, а также искусно заматают следы. Найдите их и убейте! – и уставившись в лицо воина, спросил: – Ты узнал, куда направилось их войско?

– Нет, Милорд. – Марэк опустил глаза.

– Ясно. – сухо отозвался Наммтар. – Вели моей армии собираться: через час мы отправляемся в путь. Ты возьмёшь две трети моего войска и вернёшься с ним в Крепость Адриана, и постарайся не задерживаться в пути. Я же с остальными поеду дальше до Твердыни Вечной Ночи.

– Назад, в Андэгар? Но зачем? – удивился Марэк.

Наммтар закусил нижнюю губу и задумчиво ответил:

– Сдаётся мне, что эти скоты и вовсе не собирались нападать на Эрейвинг. У меня сложилось впечатление, что нас просто выманили из Андэгара. Но для чего? Зачем им понадобился наш Южный оплот?

– Но если, их войско ушло к Адриановой Крепости, то как же мы их пропустили? – не унимался воин.

– Ледяная пустыня велика – в ней легко затеряться. – возразил его повелитель. – Они могли пройти незамеченными мимо нас или затаиться в предгорьях Мирэлл. Но стоит, всё же убедиться.

Спешившись с коня, король вместе со своим первым воином подошёл к, сидящим на земле, пленникам. Смерив их презрительным взглядом, он бросил:

– Марэк, я хочу чтобы ты доставил в Андэгар головы этих глупцов, сдаётся мне, что там такому подарку будут рады. А эти ничтожества, – он кивнул подбородком в сторону эльфов, – мне здесь ни к чему. Раз их самозванный правитель послал их на верную смерть, то вряд ли они для него важны.

– Ах ты мразь! – завопил, вскочивший на ноги, Алирий. – Бесчестный подонок! Ты же обещал, что если мы сдадимся, то сохранишь нам жизнь!

Словно бы не слыша его, Наммтар повернулся и пошёл прочь.

– И к твоему сведению, я – Алирий, первый Советник короля Итлекара, правителя Эльтамиры и законного наследника короны Анорла! – выкрикнул ему в спину Анэру.

Наммтар обернулся, именно такой реакции от пленников он и ожидал.

– Советник короля, значит? – он оценивающе посмотрел на Алирия, усмехнулся и добавил:

– Тогда ты можешь кое-что знать о его планах. Скажи, куда твой король увёл своё войско? Ответом ему было глухое молчание.

– Коли скажешь, клянусь, отпущу твоих воинов, если нет – убью их прямо здесь. А ты будешь смотреть на это.

И вновь тишина.

– Понятно. – холодно молвил Наммтар. – Марэк, начинай резать этих животных.

Два воина схватили одного из эльфов и бросили его, брыкающегося, к ногам Марэка. Тот обнажил свой полуторный меч и одним ударом снёс несчастному голову.

Король взирал на всё это бесстрашно, а в затуманенном взгляде Алирия сквозило безумие.

– Мы не боимся смерти, – отозвался он отчуждённо, – она лучше подло купленной жизни. Но тебе этого не понять: ты ведь лживое, бесчестное чудовище, с пустым чёрным сердцем, Гортайрист.

– Ты знаешь моё имя? Но ты не знаешь меня! – покачал головою король. – Марэк, следующего!

Совсем ещё юный эльф, которого поволокли на казнь, упал на колени перед Наммтаром, дрожа всем телом, и срывающимся голосом промолвил:

– Владыка, армия нашего короля в Андэгарде, ушла туда семь дней назад.

– Предатель! – прорычал Антарий, вставший рядом с братом.

– Не убивайте нас, молю! – всё причитал коленопреклонённый Анэру.

– Вот видишь, – обратился к Алирию король, – не все разделяют твои взгляды. Что ж, я сдержу своё слово и отпущу твоих людей. Пусть они возвращаются к своему корольку и расскажут о том, что видели здесь. Пусть поведают ему о благородстве Правителя Земель Смерти! Но вы с братом – он указал на Алирия с Антарием, – возможно мне ещё пригодитесь.

Наммтар велел развязать, оставшихся в живых, пленников, вернуть им коней и припасы, но оружие их он оставил при себе. Не веря своему счастью, эльфы вихрем унеслись прочь, желая ускакать подальше от Владыки Хаоса, пока тот не передумал. Братьев же увели в палатку и привязали к столбу.

– А что делать с этим, мой король? – спросил Марэк, глянув на напуганного юного эльфа. – Он боится, что сородичи разорвут его на куски, как только представится такая возможность. Он знает это и просится к Вам на службу.

Сапфировые глаза замерли, разглядывая бледное лицо молодого Анэру.

– Убей его. – Бесстрашно отозвался король. – Предавать, всё равно что бить женщину: тот кто начал, уже не остановится.

Марэк вынул кинжал и вонзил его в горло зарывавшего эльфа.

– Поезжай в Андэгар и осади Адрианову Крепость, сдаётся мне, что там завелись крысы. Ничего не предпринимай до моего возвращения. Коль всё же я покинул свой дом, то направлюсь в Эрейвинг. Мне там кое-что нужно сделать.

– И да, – обернулся Наммтар, – Подготовь мне нового коня – я поскачу вперёд, один. Хочу подумать.

Глава 3. Тайна тёмного сердца

После того, как Фиамус был повержен, мы немедленно выступили в сторону Андэгара, прихватив с собою лошадей, принадлежащих ранее воинам Духа Огня. Коней, конечно же, на всех не хватило, поэтому они достались отрядам разорителей, нуждавшихся в мобильности, мне и Наргету. Полуэльф, как оказалось, был отличным наездником и, в отличие от крылатых рептилий, в седле наземного транспорта он чувствовал себя превосходно, чего о всех остальных сказать было нельзя. Именно поэтому Наргет поскакал вперёд к Крепости Адриана, обгоняя наше войско и выбирая нам безопасный путь.

Преодолев незамеченными искусно вырубленный перевал в горах Мирэлл, мы с моей армией вновь сошли с главного Тракта, на который нам пришлось выйти на время, чтобы пересечь неприступные скалы. Покинув широкую, но местами разбитую, вымощенную тёмным камнем, дорогу, мы направились к озёрам, что были в предгорье Мирэлл. Там, вдали от поселений местных жителей, моё войско встало лагерем, выбрав местом укрытия долину, окружённую густым пролеском, которую посоветовал нам, умчавшийся далеко вперёд, Наргет. Там мы провели два дня, дожидаясь сигнала от полуэльфа о том, что войско Наммтара покинуло Крепость Адриана и ушло за пределы Андэгара, а путь наш свободен.

Далее я повёл свою немногочисленную армию покорять покинутую твердыню первого короля этих земель, стараясь идти вдалеке от Тракта и поселений, дабы весть о нашем появлении не достигла ушей демона раньше времени. Путь наш занял почти двое суток, и был не так труден, как путешествие по бездорожью ледяной пустыни Эрейвинга. Хотя погода и здесь оставляла желать лучшего.

Прошло уже восемь дней с того момента, как мы распрощались с Алирием и Антарием, которые увели свои отряды разорять северные владения демона. С тех пор вестей от братьев не было. Я даже не знал, успешно ли справляются они со своим заданием или их уже давно отловили, и головы моего Советника и его брата красуются сейчас на кольях вражьего войска.

Специально обученные почтовые чайки, которых мы привезли с собою из Страны Туманов, не могли летать на большие расстояния в незнакомом крае. Приручить же здешних ястребов у нас не было времени, поэтому обмениваться сообщениями нам удавалось лишь с Наргетом, который был сравнительно близко, и птицы могли находить к нему дорогу.

Спустя более чем неделю после прохода сквозь Портал, мы достигли Южного оплота Земель Смерти, Крепости Адриана. Мой план сработал, по крайней мере, первая его часть: Наммтар поверил, что я нападую на Эрейвинг, поэтому перебросил все свои силы туда, с собою во главе, оставив свою резиденцию почти незащищённой, с горсткой гвардейцев и дюжиной слуг. Не ожидавшие нападения, обитатели замка даже не удосужились запереть все ворота многоярусной крепостной стены, ограничившись лишь внешним входом.

Выждав время, мы, разделившись на небольшие отряды, прокрались к воротам Крепости, замаскировавшись с помощью плащей Элрока. Оказавшись возле врат, нам не составило особого труда обезоружить их стражу, слишком поздно нас заметившую. Оказавшись за стеной, мы окружили дворец, немногочисленные обитатели которого быстро капитулировали. Прислуга и простолюдины разбежались сразу же, как только им представилась такая возможность. Впрочем, мы и не преследовали их – нам они были ни к чему. Лишь только дворец нужен был мне, дом моих далёких родичей, ушедших из родной Эльтамиры в этот мрачный мир. И корона, которая была сокрыта где-то в стенах этого замка.

Резиденцией королей Андэгара был прекрасный дворец, носивший имя Крепость Адриана, в честь первого правителя сих земель и его основателя. Выстроен он был в эльтамирианском стиле и имел все атрибуты, присущие строениям Сумеречных Анэру. За неимением серебристого камня, стены его были возведены из гранита, цвета слоновой кости. Изящная резьба, состоящая из тонких переплетающихся узоров покрывала их. Крышу Крепости венчали высокие тонкие шпили из прозрачного хрусталя, которые переливались всеми цветами радуги под здешним ярким солнцем. Впрочем, сейчас, в этот пасмурный осенний вечер, они выглядели так же уныло, как и в Эльтамуре.

По углам крыши присутствовали металлические статуи крылатых ящеров, замерших в устрашающих позах. Такие безмолвные стражи присутствовали на всех крепостях Страны Туманов. Долгом их было обманывать непрошенных гостей, внезапно появившись из белёсой пелены эти изваяния сбивали с толку неприятелей. Также они отпугивали тёмных духов.

Дворец имел большой внутренний двор, в котором можно было спокойно заниматься конной ездой. Видимо, создан он был изначально для содержания летающих рептилий, которые к великому сожалению переселенцев из Эльтамыры не прижились в суровых Землях Смерти, быстро став вымершим видом, так и не сумев помочь в войне своим хозяевам. Память об этих прекрасных созданиях теперь жива лишь в легендах.

Окружала замок толстая многоярусная крепостная стена, ровесница главной постройки, сложенная из гигантских каменных глыб и имевшая узкие бойницы. На каждом из её уровней были лишь одни кованые ворота, ныне редко затворяемые. Между стеною и самим дворцом находилось приличное расстояние, где располагались хозяйственные постройки, казармы, хлева и домики прислуги.

Позади крепости раскинулась густая роща, в которой били холодные ключи, служившие источником чистой воды для обитателей замка. В полумиле от дворца медленно текла небольшая речушка, поросшая камышом и кувшинками. Чуть поодаль от неё стоял старый дремучий лес, тихий и таинственный. На его окраине, на берегу реки, находился заброшенный охотничий домик, с покосившимися стенами и замшелой крышей. От него в чашу вела древняя разбитая каменная дорога. Этот край был очень красив, он напоминал мне недавно покинутые мною Светлые Земли, где я вырос. И мне не верилось, что не так далеко отсюда находится замёрзший Эрейвинг с его отвратительным Сердцем Энтропии...

За крепостной стеной, возле лицевого фасада замка, на небольшом искусственном возвышении, сложенном из тёмных камней, я заметил статую мужчины, в полтора человеческих роста. Высеченный из бледно-серого с серебристыми вкраплениями мрамора, Анэру был рослым и стройным и имел длинные, по пояс волосы, выложенные мелкими камнями цвета пламени. Большие выразительные глаза изваяния, с суровостью смотрели в пустоту, а тонкие каменные губы были сложены в надменную полуулыбку. Эльф был облачён в доспехи, и скульпторам пришлось весьма постараться, чтобы передать в полной мере всю чёткость их сложных деталей. С плеч статуи ниспадал длинный плащ, инкрустированный сотнями алых кристаллов, переливающимися всеми оттенками красного в лучах заходящего светила. Голову мраморного эльфа венчала копия короны Анорла с прозрачным чёрным камнем по центру. Руки Анэру опирались на, вонзённый в подножие изваяния, меч, как две капли воды походивший на мой Нэзир.

Похоже, что сей монумент изображал короля Адриана, первого правителя этих краёв. Того, кого в Эльтамуре заклеили предателем собственного бога и народа, уведшего тысячи эльфов на верную погибель в бою с Владыкой Хаоса, и приведшего войну в Страну Туманов. Многие ненавидели этого короля за его погибельную самоуверенность и высокомерие, за то, что он в гордыне своей открыл Портал в иной мир, желая получить ещё большую власть и могущество, а также освободиться от жрецов Лингера, став единовластным монархом, не уступающим самому Змею по силе. В Эльтамуре его считали тираном, ценившим чужие жизни

чуть выше пепла под ногами. Но здесь королю Адриану возводили памятники, в этой стране его чтили, здесь он был героем, храбро сражавшимся со Тьмою, но проигравшим ей.

По пути в Землях Смерти я услышал и другую версию его исхода из Сумеречной страны. Говорят, что король Адриан действительно отворил Портал и увёл верных ему Анэру в другие земли дабы основать там новую страну, в дали от вездесущих служителей Лингера, свободную от их безраздельной власти. Сделал он это чтобы спасти своих младших брата и сестру – Анвельта и Лиайру, на которых змеепоклонники объявили охоту и заочно приговорили к смерти за их тайный союз, запрещённый по обычаям Эльтамиры.

Была у короля Адриана и ещё одна причина оставить Страну Туманов – девушка благородных кровей, прекрасная, как рассвет ранней весны и своенравная, словно северное море, к которой правитель неровно дышал. Но юная особа, а звали её Меранкия, отдала своё сердце не ему, королю, а его дяде, Нардоку. Который, к слову, был всего лишь на год старше Адриана. Такой поступок красавицы крайне расстроил короля, и между ним и его родичем началась тихая война.

В ходе этого молчаливого противостояния Адриан обвинил своего родича в попытке дворцового переворота, и за сею провинность собственноручно остриг того, причём сделал он это мечом Преисподней, Нэзиром. После чего волосы несчастного Нардока никогда не отрастали ниже плеч. Такое прилюдное унижение навлекло на Нардока невероятный и вечный позор, а на самого короля лютую ненависть его дяди. И после Нардок случайно (или же нарочно) открыл жрецам Лингера тайну о весьма близких отношениях между братом и сестрою короля, которые также принимали участие в этой придворной расправе и были теми, кто обвинил дядю короля в намерениях свергнуть Адриана с трона.

Служители Змея, как известно из истории объявили охоту на Анвельта и Лиайру, что и послужило поводом для Адриана покинуть Эльтамиру. Возможно, цели Адриана и были благородны, но в итоге, из-за его затеи с переселением погибли тысячи ни в чём не повинных эльфов. Как и он сам, в итоге. Стоит ли спасение двух жизней таких жертв?

Не задолго до рокового для короля Адриана поединка с Невистаром, правителю сообщили о гибели Меранкии и двух её младших сыновей. Это событие заставило короля задуматься о правильности своего решения открывать Портал в чужой мир. И уже после боя, будучи смертельно раненным демоном, Адриан запечатал навечно (как он тогда думал) проход в Страну Туманов, поклявшись, что гибель Меранкии, которую он любил до самой своей смерти, будет последней в нескончаемой череде бед народа Сумеречных Земель, принесённых им.

Не открой Адриан этот злосчастный Портал – и Владыка Хаоса Невистар никогда бы не узнал про Страну Туманов. Не послал бы туда своих, не ведающих милосердия, солдат. И никогда бы не было Наммтара, его сына, подхватившего знамя отца в этой резне...

Я шёл по пустому коридору, освещённому неясным светом редких факелов, торчащих из стен. Ещё только начинало темнеть, когда мы заняли дворец, и слуги не успели зажечь здесь все светильники. Но теперь замок погрузился во тьму, которая предательскими тенями скользила повсюду, срывая углы и ниши, словно бы шпионя, созерцая своих непрошенных гостей. Проходя по полутёмному коридору, я поочерёдно открывал все двери и заглядывал внутрь, освещая помещения факелом в левой руке, в правой же, я держал Нэзир, Кровавый Рассвет всё также покоился у меня за спиной.

Верхний этаж, с личными покоями хозяина этого дворца, я решил осмотреть лично, прочие помещения доверив своим воинам. Я искал корону Анорла, но это была не единственная причина, по которой я находился здесь. Мне хотелось узнать получше правителя Земель

Смерти: чем он живёт, чем дорожит, ведь всё, что я слышал о моём враге ранее – напоминало мне более сказку, пусть и страшную. Но ведь не даром говорят, что у страха глаза велики. Так каким же Наммтар был на самом деле – кровожадным монстром, перевоплощающимся в дракона или простым смертным, который испытывает эмоции, и которого, подобно Фиамусу, можно убить?

Во время моей «экскурсии» по замку мне попались две опрятные гостиные, одна из которых, судя по всему, была обитаема. После я нашёл большую библиотеку с множеством старинных книг, аккуратно стоявших на стеллажах вдоль стен. Далее побывал в кабинете, где над массивным широким столом из чёрного дерева, заваленного документами и свитками, свисали два штандарта – Андэгара и Эрейвинга. За ним я обнаружил студию с тремя большими окнами во всю стену и мольбертом, на котором был эскиз какой-то девушки. А также залу с небольшим органом и, лежащей на нём, нотной тетрадью.

Далее я наткнулся на чьи-то давно уже пустовавшие покои. Тёмно-золотые занавески с алым орнаментом были наглухо закрыты, скрывая последние лучи заходящего солнца. На большой кровати из красного дерева, поверх тяжёлого золотого покрывала, был выставлен штандарт с гербом Андэгара. В ногах ложа лежал кроваво-красный королевский плащ. Покопавшись в своей памяти, я понял, что это – опочивальня короля Нефтали, дяди Наммтара и его предшественника на троне этой страны. В комнате царили тишина и пустота, словно бы время навечно прекратило здесь свой ход. На столе из тёмного дерева с янтарной столешницей стояли замершие золотые кварцевые часы, их неподвижные стрелки показывали без пятнадцати час по полудню. Все вещи застыли здесь, погрузившись в глубокий бесконечный сон, точно также как и их хозяин, который никогда более к ним не прикоснётся.

Если Наммтар и впрямь убил своего родича ради трона Андэгара, то было, по меньшей мере, странно, что он оставил его комнату нетронутой, не избавился от всего того, что напоминало бы о погибшем короле. Было очевидно, что к этому месту относятся с большим почтением, словно бы стараются сохранить то небольшое, что осталось от, жившего здесь, правителя, создают видимость, хотя бы на время, присутствия его духа.

Выйдя обратно в коридор, я продолжил свой обход. Вскоре я наткнулся и на другие покои, весьма странные на мой взгляд. Спальня принадлежала Наммтару, это было очевидно по постельному белью из чёрного шёлка, которое резко контрастировало со светлыми стенами и золотыми шторами с изумрудного цвета листьями, вышитыми на них. Рядом с кроватью, с изящно вырезанными спинками, стоял комод из светло-коричневого, с золотыми прожилками, дерева и зеркалом в позолоченной рамке.

Возле стены находился большой чёрный сундук со сваленными в него неаккуратной кучей чёрными вещами, рядом валялись большие, выдавшие лучшие времена, грубые домашние ботинки. Чёрная ночная сорочка была небрежно перекинута через стеклянную дверцу туалетного шкафчика, в котором вместо духов и кремов красовались колбы с ядами, склянки с непонятными порошками и мешочки с какой-то дрянью, связки высушенных лап, вазон с глазами, а на самом видном месте величественно возвышалась зловещего вида отрубленная эльфийская голова с остекленевшим взором. А вот напротив кровати, на стене, висела вышитая шёлком большая картина, изображавшая яркий осенний лес и дорогу, ведущую к реке. В свете факела картина засияла золотыми, красными, оранжевыми, зелёными, серебристыми и голубыми переливами. Станный контраст, ничего не скажешь.

Похоже, что эту комнату раньше занимала мать Наммтара, королева Элими. Я мало что знал о ней или её брате, как и всех потомках короля Адриана, оставшихся здесь после закрытия границы. А то, что мне всё же было известно, теперь никак не сопоставлялось с увиденным здесь. Покои короля Нефтали, к которым относились со столь большим уважением, и эта комната – разве бы стал Наммтар занимать опочивальню той, что убил? Теперь я не верил в

то, что враг мой погубил свою мать и её брата. Стоит ли тогда верить и всему остальному, что рассказывают о нём?

Я ещё раз окинул взглядом покои моего врага – когда оказываешься в столь личном пространстве кого-либо возникает возможность прикоснуться к душе хозяина этих вещей, понять его суть, его мысли и пристрастия. Наблюдать, видеть и слышать – вот, что я должен был делать сейчас, чтобы понять, как мне перехитрить моего врага.

На комод в беспорядке были разбросаны свитки, стояла погасшая лампа, рядом лежал опрокинутый резной серебряный кубок, инкрустированный рубинами. Кровать была наспех заправлена, чёрное, с серебристым рисунком, покрывало неаккуратно наброшено на чёрный шёлк подушек. Сверху на них лежала толстая старая книга с пожелтевшими страницами и с потёртой коричневой кожаной обложкой. Подойдя ближе, я смог разглядеть заглавие фолианта – "Сага о Квислингах", написано на эльтамирианском языке. О чём она повествовала, я не имел никакого представления. Наверняка, какая-нибудь чёрно-магическая мерзость, что он мог ещё читать? Я ухмыльнулся про себя – видимо, Наммтар покидал своё логово в дикой спешке, раз оставил ночное чтиво здесь. Это хорошо, что новость о моём нападении на Эрейвинг застала его врасплох – человек, или же демон, как в нашем случае, который спешит, совершает ошибки. А именно их я от него и жду.

Более ничего интересного в покоях Наммтара я не нашёл, поэтому вышел в коридор. Пройдя ещё несколько метров, я наткнулся на последнюю на этом этаже дверь. Толкнув её, я обнаружил за ней пустую небольшую комнату с плотными чёрными шторами, закрывавшими окна на двух стенах. Помещение пустовало, но я чувствовал, что сюда часто заходят – воздух был здесь не такой спёртый, как в спальне усопшего короля.

Что-то странное было в этом месте, в его двух одинаково зеркальных окнах с занавесками – ведь это была не угловая комната, стало быть окно здесь должно быть одно! Переступив порог, я зашёл в комнату, вставил факел в держатель на стене и раздёрнул тяжёлые шторы. Перед моим взором предстал большой гобелен или картина – в неверном свете было сложно понять как выполнено изображение, но одно было видно очень хорошо – поразительная точность и детализованность полотна, запечатлённые на нём персонажи были словно живые. Я уставился на холст и стал внимательно его изучать.

На полотне был изображён тронный зал тёмный и мрачный. Посередине, на возвышении из трёх высоких ступеней, стоял массивный трон, вырезанный из чёрного матового камня. Он был прост и лаконичен как всё убранство вокруг и одежда, присутствующих на картине, персонажей, но в то же время, величественен и красив. Словно бы чёрная глыба возвышался он посреди зала, но величина его не умяляла, а только подчёркивала стать мужчины, восседавшего на нём.

Мужчина тот был высок, даже очень, стройный с широкими плечами, на которых были наплечники из тёмных металлических пластин, скрепляющих цепью с гербом тяжёлый чёрный плащ. Чёрный камзол его был длиной до пола, окованные железом, высокие сапоги тускло поблескивали. Длинные, до пояса, волосы мужчины были чернее ночи и отливали синевою. Синими были и его бездонные глаза, большие, пронзительные, внимательные и беспощадные, замечающие любую деталь, горящие сапфировым огнём. Бледное лицо с тонкими, но резкими чертами не выражало никаких эмоций, бесстрастное и холодное, как зимняя стужа.

Лик его озарял холодным голубым светом жуткий двуручный меч, лежавший у него на коленях. Клинок был застывшим ледяным пламенем, изгибающимся с причудливыми ответвлениями, переливающимся множеством оттенков. Хорнорн, понял я. Меч был выкован в самом Сердце Хаоса не для ристалищ, а для чёрных заклинаний, и был гораздо губительнее любого обычного клинка из смертного металла. Опасный и беспощадный как и его обладатель, чья правая рука, с массивным перстнем, изображавшем ужасную рогатую бестию, покоилась на

эфесе меча. На запястье его левой руки, что лежала на подлокотнике трона, был обручальный браслет из белого металла, испещрённый рунами.

Спокойная, непринуждённая поза мужчины создавала ложную атмосферу безопасности, хотя тот, кто восседал на чёрном престоле, был очень опасен. Он был непредсказуем и жесток, и никто не знал, что он предпримет в следующий момент. Над полыхающим синевой огнём его глаз, на середине высокого лба, возвышалась чёрная, как обсидиан корона. Её шипы были подобны оголённым чёрным рёбрам – три больших и пять поменьше, острыми клыками окаймляли они чело короля. Им, несомненно был Морайрист, отец Наммтара, первый правитель Эрейвинга. Бессмертный демон в обличии плоти. Но на холсте он был запечатлён не один.

По левую его руку, на ступеньку ниже трона, стояла женщина, старающаяся как бы отстраниться от мужчины рядом. Она была высокая и стройная, словно молодое деревце, с изящными тонкими чертами красивого лица. У неё была белая кожа с лёгким румянцем на щеках и большие серо-зелёные глаза, с грустью и пустотою смотревшие перед собою. Её золотисто-рыжие волосы были до плеч заплетены в две косы, дальше они ниспадали осенними волнами до талии. Она была одета в длинное, до пола, тёмно-синее платье с чёрным узором с широким поясом из червлёного серебра.

Высокий серебристый воротник закрывал её тонкую шею, на которой висел причудливый кулон. Большой синий камень, под стать цвету глаз, сидящего рядом с ней, мужчины, сжимали острые когтистые лапы из тёмного металла – герб Эрейвинга и полных драконов. Длинные тяжёлые рукава одежды женщины не могли скрыть синяков на изящных белых запястьях. В левом углу её пухлых розовых губ красовалась свежая ссадина. На левой руке её тускло поблескивал обручальный браслет, точная копия того, что был на мужчине. На безымянном пальце правой руки женщины сияло кольцо с крупным сапфиром. Голову её венчала изысканная диадема из тёмных камней. Но всё богатство и красота украшений и одеяний этой женщины лишь подчёркивали боль и задрожанность, сквозившие в её позе и глазах. Это – королева Элими, – понял я, – жена Морайриста и мать Наммтара, которую он якобы убил.

По правую сторону от короля стоял юноша, положив свою левую руку на спинку трона. На вид ему было лет двенадцать. Он был выше, стоявшей рядом женщины, но так же строен и с такими же тонкими чертами. Его лицо было копией лика, сидящего на престоле, мужчины, было очевидно, что парень – его сын: те же неистовые глаза, мерцающие нечеловеческим синим огнём, те же тонкие губы, сложенные в лёгкую ухмылку, прямой острый нос, высокий лоб, и такая же белоснежная кожа, ещё белее, чем у женщины. Отличало юношу от короля лишь одно – цвет его волос: золотисто рыжим каскадом ниспадали они на синеву его одежды, доходя до середины плеч.

Одет он был в тёмно-синий камзол с чёрным узором тонких кожаных ремней, сплетающихся словно змеи. Чёрные штаны, и такого же цвета высокие кожаные сапоги с металлическими вставками. Я подивился, как в подобной тяжёлой обуви можно было вообще представлять ноги. Во взгляде юноши горела гордость, он был, несомненно, очень рад находиться рядом со своим отцом. На голове его сиял тонкий резной серебристый обруч, инкрустированный тёмными камнями. Это был Наммтар, собственной персоной, тогда ещё принц. Совсем юный в те времена, почти мальчишка.

Кто бы мог тогда подумать, что этот юноша вырастет в очень кровожадного тирана, превосшедшего жестокостью, если верить слухам, даже своего отца. Которого он убьёт собственными руками, к слову. Вряд ли тот безжалостный, непоколебимый демон, изображённый на этой картине, что восседал на чёрном престоле, мог предположить, что падёт от руки собственного сына.

Глядя на ужас в глазах королевы и, пылающие синевой, очи Морайриста, полные ненависти и угрозы, я вдруг понял, что, в какой-то мере, даже благодарен Наммтару за то, что он

избавил нас от знакомства со своим родителем. Судя по всему, тот был весьма неприятной личностью. Будь бы Невистар жив, сейчас проблем у нас было бы в два раза больше.

Глава 4. Бремя горькой памяти

– Молодой король любил находиться здесь. – раздался вдруг тихий голос позади меня. Я резко обернулся, выставив меч в сторону незваного гостя, невесть откуда появившегося в дверном проёме. Что это – призрак? Или наваждение? Я был наслышан про тёмные чары Наммтара и не верил тому, что видят глаза мои. А видели они уставшего старика, облачённого в длинный бордовый балахон, с ниспадающими на него длинными русыми волосами, изрядно тронутыми сединою и потухшим взглядом серых глаз. Но тем не менее, он был эльфом! Старым эльфом! Старик поднял иссохшие руки, на каждой из которых было по три перстня, показывая мне, что они пусты и тихо продолжил:

– Лишь в двух местах он мог находится часами, на могилах своей матери и её брата и здесь – возле изображения своих родителей. – Я понял, что старик говорит про Наммтара, – Молодой король долго стоял там, где сейчас стоите Вы, и неотрывно глядел на эту картину, словно бы ища в ней ответ, на давно мучивший его вопрос.

– И как, он нашёл ответ? – поинтересовался я у старика, гадая, кто же он такой.

– Однажды, молодой король простоял здесь всю ночь, а наутро повелел собрать войско. На следующий день он выступил во главе с ним на Эрейвинг, чтобы убить своего отца.

– Ясно. – констатировал я. – Ты, видимо, хорошо знаешь своего короля. Кто же ты?

– Зовут меня Ольвин, я – кастелян этого замка. – пожал плечами старик, словно бы я спросил у него нечто очевидное.

– Ты ведь Анэру, не так ли? – спросил я. – Но что с тобою? Ты выглядишь словно старый человек!

– В этом мире властвует смерть, Сударь. – пояснил он. – И даже эльфы здесь стареют, кроме тех, что используют магию крови, только и она исцеляет тело не навечно. В итоге, даже они умирают. Жизнь их просто дольше, но ужасней, ибо магия крови губит душу. Этот мир тёмный, как зимняя ночь, и пусть Вас не обманывает светящее здесь солнце, его тепло и лучи не способны развеять чёрные миазмы, идущие от Колодца Погибели, что в сердце Эрейвинга. Когда-нибудь Вы станете таким же как я, Сударь, если пожелаете остаться в этих краях. – предостерег старик.

– Возвращайтесь в Эльтамиру или Светлые Земли, пока можете, здесь Вас ждёт лишь смерть.

– Разве ты бывал в тех местах, о которых ведёшь речь? – спросил я старика.

– Я родился и вырос в Землях Света. – отозвался он, – Но когда мне было чуть меньше полувека сумеречные эльфы пленили меня вместе с моими родителями и привели сюда, в Андэгар. Мы должны были стать для них источником крови, но я смог сбежать.

Похоже, этот пожилой эльф имел зуб на жителей Страны Туманов. Что меня не удивляло, ведь я уже успел познакомиться с коварным нравом моих верноподданных.

– Не все сумеречные Анэру кровожадные злодеи. – заверил его я. Ольвин лишь скептически на меня глянул своими серыми подслеповатыми глазами.

– Ты знаешь, кто я? – поинтересовался я.

– Узурпатор, незванный гость, пришедший из Страны Туманов с надеждой свергнуть моего внука.

Что за чёрт?! Этот старикан ещё и дед Наммтара? Почему обязательно находятся какие-то родственники, которые всё усложняют. Я пришёл сюда с целью освободить этот дворец и, находящийся в нём, эльфов от зверствующего в этих стенах тирана. А тут оказалась родня демона, вполне довольная его властью и которая вряд ли обрадуется моим намерениям.

Увидев удивление на моём лице, Ольвин пояснил:

– Мой младший брат, Эван, был мужем королевы Эст'Кайи и отцом Элими, матери Наммтара. – он с болью глянул на рыжую женщину на холсте. – Когда-то я увозил её в Эрейвинг, выдавать замуж за Морайриста.

Пожилой эльф подошёл к картине и осторожно прикоснулся к, изображённой на ней, королеве.

– Лишь дважды за последние полтора века покидал я стены этой Крепости: ради свадьбы своей племянницы и, второй раз – чтобы привезти назад из Эрейвинга её тело. Её и её брата, Нефтали. Я говорил ему, что нужно было ехать с армией. Но кто ж меня слушает? – сказал он, спрашивая скорее себя, нежели меня.

Старик отвёл глаза от картины, пряча слёзы, покотившиеся по его морщинистым щекам.

– Теперь у меня остался лишь мой внук, мой молодой король. – продолжил он. – Вы зря пришли в Адрианову Крепость – Вам её не удержать. – Ольвин посмотрел прямо мне в глаза. – Наммтар ушёл, но он обязательно вернётся с великой армией. Эрейвинг он обязан охранять – этот долг он получил вместе с мечом своего отца, в день его смерти. Но истинный дом его здесь – в Андэгаре, на родине его матери, а не в Эрейвинге, где он родился и вырос, но где властвует дух его отца. Он вернётся, Сударь, вот увидите! – старик тряхнул седой головой.

– На это я и рассчитываю. – холодно заметил я. – Нам было не взять этот замок штурмом, я это понимал, поэтому мы и выманили твоего короля отсюда. Когда же он вернётся, то я сражусь с ним возле врат этой крепости. И всё его войско ему не поможет.

Ольвин посмотрел на меня как на младенца, взявшего в руки меч, словно бы ожидая, когда тот отрубит себе голову. Смахнув с себя тень сомнения, я заметил большую лужу спёкшейся крови на полу.

Указав на неё мечом, я спросил:

– Чья это кровь?

– Молодого короля. – тихо промолвил старик, печально глядя на чёрную лужу. – Когда Тару был совсем юн, то трижды он вскрывал здесь свои вены, стремясь умереть, и трижды глубокие раны затворялись, за мгновение до его смерти, не позволяя жизни уйти.

Изучая моё хмурое лицо, Ольвин спросил:

– А Вы разве не знали, Сударь, что внук мой унаследовал от отца своего, демона Морайриста, не только сапфировые глаза, но и абсолютное бессмертие – то есть невозможность умереть, даже, при желании?

– Но отец Наммтара тем не менее, мёртв! – возразил ему я, – Ты ведь сам сказал, что Наммтар его убил! Не так ли?!

– Только тот, в чьих жилах течёт демоническая кровь, может разрушить тело демона, что и сделал молодой король. Но дух его отца жив, его невозможно убить, – повторил старик, – он заперт в темнице, вне времени и материи, в Колодце Погибели. И только меч в руках его сына не позволяет ему выйти оттуда.

Ольвин приблизил своё морщинистое лицо ко мне.

– А теперь скажите, Сударь, разве Вы демонической крови? И есть ли у Вас клинок, выкованный во Тьме Хаоса? Ведь лишь пронзив его остриём сердце демона, можно убить его плоть. Вы жаждете сразиться с молодым королём возле здешних врат? Что ж, удачи!.. – бросил старик и, развернувшись, пошаркал к выходу.

– Меч-то у меня есть! – бросил я ему в след, но Ольвин даже не обернулся.

Задёрнув чёрные шторы, я вышел в полутёмный коридор. Догнав престарелого эльфа, что было не трудно, я препроводил его к остальным пленникам на первый этаж. Во время нашего пути вниз, пожилой кастелян хранил гробовое молчание, да и я не желал донимать его расспросами. Внизу, в общем зале, меня ждал Наргет, глядевший на меня своими изумрудными глазами.

– Что с короной? – спросил я его.

– Пока глухо. – уныло отозвался полуэльф. – Среди драгоценностей в хранилищах её нет. Но поиски продолжаются. А что у тебя? Нашёл что-нибудь интересное наверху? – спросил он.

Я отрицательно мотнул головой.

– Гостиные, спальни, библиотека – личные комнаты, одним словом, да ещё поймал этого старика, – указал я на Ольвина, который уже утешал какую-то безудержно рыдающую девушку с тёмными, почти чёрными волосами. – он здешний кастелян и, по совместительству, дед Наммтара.

Наргет глянул на меня с удивлением.

– Дед? Это хорошо: надеюсь, из него получится ценный заложник. Если, конечно, Наммтару есть до кого-либо дело, кроме себя самого.

– Думаю, что так оно и будет – мне кажется, что наш "друг" очень привязан к своим родичам. По крайней мере, к памяти о некоторых из них.

Немного поразмыслив, я обернулся к кучке пленников и отыскал взглядом старика, который тихо, но убедительно что-то говорил на ухо всё той же темноволосой девушке, и поманил его рукою.

– Эй, Ольвин! – когда он подошёл ко мне, я сказал:

– Проводи-ка нас на могилу прежнего короля Андэгара, ты сказал, что твой внук часто там бывает, думаю, дорога тебе известна. Я бы тоже не отказался взглянуть на это место: ведь там покоится, хоть и очень дальняя, но всё же моя родня.

Старик с подозрением уставился на меня своими подслеповатыми серыми глазами.

– Зачем это Вам, Сударь? Можете убить меня, если хотите, но я не позволю вам тревожить мёртвых!

– Похвальная преданность, – промолвил я, – но излишняя – я же сказал: хочу всего лишь взглянуть! Обещаю, что не стану осквернять ваших усопших.

Ещё раз посмотрев на меня с опаской, Ольвин понял, что спорить со мною бессмысленно и медленно пошаркал к выходу из залы. Мы с Наргетом отправились следом. Пропетляв по тёмным коридорам, мы спустились по старой винтовой лестнице к чёрному входу, через который и покинули дворец.

– Мой король, ты с ума сошёл – идти ночью на кладбище? – шепнул мне Наргет, едва скрывая свой страх.

– Ты что, боишься? – улыбнулся я ему. – Держи факел крепче и ни один покойник тебя не поймают – они не выносят огня!

– Глемтов огонь не испугал! – обречённо выдохнул полуэльф, крепче сжимая факел.

– Вряд ли здесь есть призраки. – отозвался я. – Но всё же, держи свою магическую книгу наготове.

Наргет кивнул и поплёлся за мною следом.

Мы шли сквозь густую рошу, опавшая листва шелестела под ногами, ветер колыхал пламя наших факелов, чей свет выхватывал из ночной темноты, почерневшие от дождя, стволы деревьев. Наше путешествие заняло минут десять – пятнадцать. По пути мы преодолели небольшой каменный мостик, перекинутый через, вздувшийся от половодья, ручей. Дорога наша была вымощена большими тёмными гранитными плитами, и идти нам было легко, несколько раз нам попадались широкие ступеньки, по краям тропы стояли погасшие железные фонари. Зажечь их было некому, ведь все слуги были заперты нами в замке. Наконец, мы вышли на небольшую поляну, окутанную темнотою. Ночное небо было затянуто плотными дождевыми тучами, и вокруг стояла непроглядная мгла.

– Мы пришли. – промолвил Ольвин и поднял свой факел повыше, озаряя неверным светом две статуи из светло-серого мрамора в человеческий рост и надгробия у их оснований.

Слева было изваяние молодого мужчины – эльфа с прямыми распущенными волосами до середины плеч. Он был одет в длинную, простую, просторную одежду. Его, склонённую в

правую сторону, голову венчала корона Анорла. Статуя короля Нефтали, понял я. У ног правителя лежал букет крупных полевых цветов небесно-голубого цвета. Невидящие глаза мужчины смотрели в сторону изваяния женщины, находившейся справа, к ней же тянулась его рука.

Вторая скульптура изображала королеву Элими, жену Морайриста и мать Наммтара, так же склонившую голову, но только влево, и протягивающую руку к своему брату. Лицо женщины было очень похоже на то, что я видел на холсте, во дворце, правда, лишённое красок, с теми же большими грустными глазами и тонкими чертами лица. Просматривалось и фамильное сходство её и короля Нефтали, говорят, они были близнецами. Возле подола длинного скромного платья королевы лежал венок из золотистых цветов и листьев.

На надгробных плитах были высечены их имена, титулы и даты жизни и смерти. Было видно, что за этими погребениями тщательно следят – здесь было чисто, опавшая листва убрана, дорожка подметена. Похоже, что Наммтар и впрямь тут часто бывал. Но что он чувствовал, глядя на эти холодные, безмолвные монументы? Неужели, я нашёл слабое место в броне моего врага? Если да, то как им воспользоваться?

– Как они умерли? – спросил я старика.

Встрепенувшись, словно бы его внезапно разбудили, он непонимающе вытаращился на меня.

– Что?

Мне пришлось повторить свой вопрос.

– Их убил Морайрист, почти двадцать лет назад. – тихо отозвался Ольвин.

– Невистар, то есть, Морайрист убил свою жену? – заинтересовался Наргет. – Я слышал совсем иную версию произошедшего. Ну и семейка же у Наммтара!

Полуэльф негромко добавил:

– Понятно в кого он.

Я пихнул в бок своего друга локтем, заставив замолчать. Мне очень не хотелось терять ту ниточку, что я нашупал, и которая могла бы привести меня к победе. Слава богам, старик не услышал последнюю часть высказывания Наргета.

– Да, он хладнокровно убил моих племянников, и заявил, что это Неф виноват в смерти своей сестры. А он, Морайрист, казнил его за это. Но на самом деле, это он сам лишил жизни свою королеву и её брата. И когда истина всё же открылась, молодой король восстал против своего отца и отомстил тому за мать. – голос старика подрагивал, глаза его слепо смотрели куда-то вдаль.

Задул промозглый ветер и в его голосе мне послышался чей-то тихий шёпот, несущий угрозу, от которого мне стало не по себе. "Странное всё же это место, – подумал я, – нужно поскорее уходить отсюда". Начал накрапывать мелкий холодный дождь, он ещё сильнее убедил меня в том, что пора возвращаться во дворец. Не долго думая, я решил отправиться обратно.

По дороге обратно в замок, чтобы нарушить повисшее между нами гробовое молчание, я спросил у старика:

– Ольвин, я видел возле крепости впечатляющую статую Анэру, в алом плаще. Это тот, кто я думаю – Адриан?

Оторвавшись от своих дум, пожилой эльф хмуро посмотрел на меня и ответил:

– Да, это памятник королю Адриану, первому правителю нашей страны. Мой внук очень уважал своего предка, восхищался его смелостью и жадной открытий. Молодой король тщательно изучил его труды и биографию, долгое время вглядываясь в чёрный кристалл короны, пытаясь постичь тайные свойства камня и понять, как открыть, запечатанный Адрианом Портал вновь.

Старик улыбнулся.

– Те немногие, в том числе и я, что застали ещё владыку Адриана, замечали, что мой внук очень похож на него, в первую очередь, беспокойным характером и свободолюбивым нравом, а также упрямством и смелостью. Ну, и цветом волос, конечно.

– А Вашего внука не смущало, что его отец зарезал столь уважаемого им короля Адриана, как свинью, на поле боя? – встрял Наргет.

Ольвин тяжело вздохнул.

– Молодой король не разделял большинства взглядов своего отца. Да и к тому же, в те времена была война, и обе стороны сражались, не ведая сострадания. Хотя, повелителю Эрейвинга она и не ведома. Однажды мой внук сказал мне, что предпочёл бы быть похожим на Адриана, чем на своего отца, что первый правитель Андэгара ближе ему по духу, чем тот, кто дал ему жизнь.

Какое-то время мы шли молча.

– Могила короля Адриана тоже находится здесь? – спросил я.

Наргет недовольно взглянул на меня, ожидая продолжения столь неприятной прогулки по погосту под дождём.

Ольвин как-то странно посмотрел в мою сторону, словно бы я ляпнул какую-то глупость.

– Нет, Сударь. Это место – роща при крепости, а не кладбище. Прах первого короля покоится в крипте, под северной частью замка. Там же, где лежат его родичи: брат с сестрою, их дочь и её муж, а также близкие друзья. Когда-нибудь и я отправлюсь туда.

– Почему же тогда король Нефтали и мать Наммтара захоронены здесь, в роще? – не унимался я.

– Потому что я решил похоронить их в этом прекрасном месте, Сударь. – устало улыбнулся пожилой эльф. – Мои племянник с племянницей прожили долгие годы во мраке, и я посчитал, что будет лучше, чтобы они лежали здесь, в этой старинной роще, куда заглядывает солнце, и где поют птицы. Ведь они так любили это место в детстве, столь много времени проводили вместе под сенью сих деревьев. Не оставлять же их в холодном безмолвии тёмной крипты, которую они так пугались при жизни, лишь изредка спускаясь туда навестить родителей.

Обратная дорога показалась мне короче, но, быть может, я просто хотел побыстрее добраться до укрытия. Вернувшись в тёплые стены замка, мы отправили Ольвина обратно к пленникам, поблагодарив за прогулку по роще, а сами с Наргетом уселись за стол возле большого камина, куда нам подали ужин.

– Жуткое местечко! – начал мой друг, – Такое ощущение, что эти проклятые статуи живы! Мне даже показалось, что та каменная женщина повернула голову в мою сторону. Там явно какое-то чёрное колдовство! Не зря же Наммтар прослыл нехилым некромантом! Вспомни, с каким ужасом отзывался о нём Лингер! Нужно будет сравнить эти изваяния с землёй!

Я бросил гневный взгляд на Наргета, никогда бы не подумал, что он может быть таким суеверным.

– И думать забудь! Я тоже не в восторге от увиденного места, и больше мы туда не пойдём, но и заниматься вандализмом я не стану – не подобает королю такое. К тому же, я пообещал старику не трогать захоронения – ведь там покоятся его родственники. Как и мои, впрочем, хоть и дальние.

– Как знаешь. – отозвался Наргет. – В таком случае, и Наммтар оказывается твоей роднёй. Поздравляю!

Я промолчал, не особо обрадовавшись заявлению полуэльфа.

– Ты скажи мне лучше, когда нам ждать наших Алирия с Антарием? – спросил я. – Мы расстались с ними уже восемь дней назад. Они были должны выманить Наммтара отсюда, чиня бесчинства в приграничных землях Эвейринга, а затем, не заходя далеко, повернуть назад к нам, и вернуться всё той же окольной дорогой, чтобы не нарваться на армию демона. И с тех пор от них ни слуху, ни духу. Им пора было бы уже прибыть сюда.

– Я тоже об этом уже думал, – ответил Наргет, – дело-то им поручили не сложное: в тех краях почти никто не живёт, дать весомый отпор им было бы некому. Надеюсь, им хватило ума вовремя остановиться и свернуть с главного Тракта.

– А если нет? Ты же знаешь братьев – мало ли что взбрело в их пустые головы. Возможно, они отправились в глубь страны, за более богатой наживой.

– Тогда есть вероятность, что они наткнулись на вражье войско с Наммтаром во главе, а ведь у них хватит дури вступить с ним в бой, несмотря на то, что ты и приказывал им бежать в данном случае. – пессимистично молвил полуэльф.

– И как же нам теперь узнать про их участь? – спросил я. – Если их действительно пленил Наммтар, то как я пойму это?

– Поймёшь, когда он пришлёт тебе их отрубленные головы. – мрачно усмехнулся Наргет. – Но и тогда они ещё пару дней без умолку проболтают, пока не умрут от жажды.

– Какая-то не особо радостная перспектива! – заметил я и добавил:

– Но будем ждать. Что нам ещё остаётся?

Я отпил сладкого красного вина из серебряного кубка и уставился на огонь, полыхающий в камине.

Где мои друзья, что с ними стало? И где в этом огромном замке мне отыскать столь хитро спрятанную корону Анорла? Если она вообще здесь. Эти вопросы не давали мне покоя. Мой враг предстал сегодня передо мною с другой стороны. Я понял, что он может быть уязвим. Но поможет ли память о покойной матери Наммтара мне сломать его?

Глава 5. Заброшенный сад

Пересекая старую границу Эрейвинга – протяжённую цепь обрывистых гор Мирэлл, Наммтар нашёл погашенным и опустевшим Око Пламени, некогда расплавленную от жара расщелину посреди скал, единственный проход вглубь страны. Проезжая мимо этого места, молодой король почувствовал нечто странное. Среди опустевших стен вотчины Духа Огня витал едва различимый запах смерти. И оставил его не Фиамус, в миг своей гибели, нет, смерть эта была очень старой. Скорее, даже древней, словно бы минули века, а то и тысячелетия с её момента. Складывалось ощущение, что там побывал тот, кому место давно уже в могиле. Это насторожило Наммтара, и он отправился по этому следу, уводящему вдаль от Ока Пламени, к Порталу и погасшему озеру подле него.

Воздух в том месте был пропитан лютой ненавистью и холодной злобой. И хоть, побывавшие здесь, сотни солдат истоптали всё вокруг, но Наммтар смог отыскать посреди свежесвыпавшего снега чёрный пепел. Зачерпнув ладонью горсть праха, молодой король принялся – именно он был источником того погибельного зловония. Кто-то обратился в пепел на этом самом месте, и этот кто-то был явно не эльфом или человеком – тёмная неестественная сила исходила от этих истлевших мощей. Но кем был этот загадочный незнакомец, что погубил Фиамуса и обрёл здесь свою погибель? И от чьей руки он пал? Не найдя ответов на эти вопросы, Наммтар повернул назад, к Оку Пламени, решив позже расспросить пленников о произошедшем здесь.

Фиамус... бедный Дух Огня! Наммтар вновь вспомнил, о нём, вернувшись в Око Пламени. Страж этого места обратился в пепел. Фиамус, Дух Огня, которого он знал с раннего детства, и кому был обязан своим, ставшим в итоге, отличным владением клинком, тот, кто научил его не бояться даже самого жаркого пламени, ушёл из этого мира навечно, оставив беззащитным путь к Твердыне Вечной Ночи. Наммтару пришлось оставить часть войска в, скованном тьмою и льдом, Пламенном Оке, дабы избежать пришествия новых незваных гостей. Покинув погасшую вотчину Духа Огня, молодой король отправился дальше, на северо-восток, к замку, где он родился и вырос.

Посреди заснеженных скал Эрейвинга возвышалась неприступная крепость, сложенная из чернейшего базальта. Твердыня Вечной Ночи – так назвал её Морайрист, когда рабы закончили возводить его замок. Но в народе это место прозвали менее поэтично – Волчья Пасть, из-за восьми высоких башен, венчающих строение, с острыми обсидиановыми шпилями, вонзающимися в сумрачные небеса. Башни эти: четыре по внешнему периметру и столько же по внутреннему олицетворяли собою восемь стрел Хаоса. Узкие стрельчатые окна гармонировали с высокими каменными сводами, в величественном тронном зале порою даже слышалось эхо – настолько высоки там были потолки и стены. Замок представлял собою многогранник с восьмью углами и внутренним двором, размещённым в центре верхнего этажа, между оснований башен, со стеклянной крышей.

Из крепости вели двое врат: первые, именуемые Светлыми, смотрели на Юг, на главный Тракт, в сторону Андэгара, а вторые, звавшиеся Тёмными – на Север, на путь, ведущий к Сердцу Энтропии, что находится совсем рядом, в нескольких милях. У каждого из врат были толстые металлические двери и огромные чёрные железные подъёмные мосты, перекинутые через широкий огненный ров, в котором струилась магма. Мосты эти, при необходимости, можно было поднять, обеспечив тем самым Твердыне Вечной Ночи полную неприступность.

Таков был отчий дом Наммтара, он не был здесь уже несколько лет и не горел сильным желанием сюда возвращаться. Проехав по мосту над погасшим крепостным рвом, а пламя его так же поддерживал Фиамус, король спешил и вступил под сень стен столь нелюбимого ему замка. Он помнил эти серые, холодные, мрачные стены, заиндевелые окна, вечные сквозняки и ту гнетущую атмосферу, что царила здесь в последние годы его пребывания. Лишь единственное место в этой цитадели нравилось ему – внутренний сад под стеклянной крышей на самом верхнем этаже, который отец его разбил специально для его матери, давным-давно, сразу же после их свадьбы. Именно туда и направился Наммтар.

Этот промёрзший замок напоминал молодому королю отца – такой же угрюмый и отталивающий с каменным сердцем. Хотя, когда-то давно, в детстве, это место ему даже нравилось: оно было под стать сильным и гордым правителям Эрейвинга, живущим в нём. Но не сейчас. Ныне замок был как ядом пропитан тяжёлыми воспоминаниями о двухдесятилетнем прошлом.

Каким же юным Наммтар тогда был! Он прожил здесь четырнадцать лет, и был крайне любознательным, непоседливым, шкодным, но честным подростком, даже лгать не умел. Он уважал и побаивался своего отца и верил ему всецело. Сколько же раз Наммтар себя проклинал за свою доверчивость, так дорого ему стоящую... А ещё у него из рук вон плохо шло обучение ратному делу. Несчастный Фиамус, наставлявший его, из кожи лез чтобы научить молодого принца держать меч в руках – но всё без толку, наука давалась наследнику тяжело. К тому же Наммтар частенько предпочитал занятиям по фехтованию скачки на конях, с юности парень был без ума от скорости. Или книгам, запершись в библиотеке, среди пыльных полок, он часами изучал старинные рукописи. Да и отец его, Морайрист, не особо подгонял сына в становлении первым мечом Эрейвинга, заявив, что дело короля – править, а не махать оружием. Так что старания Фиамуса зачастую были напрасны.

Войдя в опустевший сад, Наммтар прошёл вглубь него, цепляясь одеждой за кривые иссохшие ветви разросшегося кустарника. Опустившись на скамейку возле русла давно высохшего ручья, он закрыл глаза и прислушался к тихому пению ветра в расщелинах искусственных камней. Перед его глазами стали проплывать картины того дня, когда девять лет назад здесь, на этом самом месте он отнял меч, корону и жизнь у своего отца Морайриста, Повелителя Хаоса и первого правителя Эрейвинга.

Тогда Наммтар тихой поступью вошёл сюда, передвигаясь бесшумно, он глазами хищного зверя разглядывал всё вокруг, выискивая отца. В глубине рощи, среди разросшихся кустарников, он, наконец то, отыскал его. Морайрист сидел на одной из изящных, выкованных из тёмного металла, скамеек посреди закрытого сада со стеклянной крышей, что находился во внутреннем дворе его замка. Когда-то сад был полон пения маленьких пёстрых птиц, порхающих туда-сюда среди изумрудной листвы, и наполняющих воздух удивительными мелодиями. Также здесь был небольшой водопад, шумевший в конце сада и его быстрые звонкие ручьи, несущие свои воды по каменистым руслам, питали растущие здесь растения.

Сейчас здесь царил тишина, лишь шёпот ветра в листве нарушал её незыблемый покой. Птицы давно смолкли, ручьи еле текли, почти пересохнув, да и сам сад был давно заброшен. Кустарники разрослись, клумбы потеряли былую красоту – хотя цветы на них всё ещё росли, правда, в разнобой, не сливаясь более в прекрасный рисунок. Синие, фиолетовые, белые, голубые, алые и, конечно же, золотые, пахнущие мёдом и летом. Её любимые. Мама Наммтара постоянно плела из них венки, для мужа и сына из синих и фиолетовых, а для себя – из золотых. Сидевший на скамейке Морайрист сорвал один золотистый цветок и принялся изучать его: тонкие лепестки, словно бы сделаны из тончайшего золота, чуть более тёмная окаёмка, они

были похожи на дикие розы, но тёмно-зелёный стебель их был без шипов. Такие же хрупкие и беззащитные, как и та, что их любила.

– Я знал, что ты придёшь, – тихо начал Морайрист, – И ждал тебя, но думал, что ты придёшь раньше.

Наммтар огляделся и обвёл рукою сад.

– Почему ты выбрал именно это место? Ведь, помнится, ты никогда не любил его.

Его отец пожал плечами.

– Здесь всё напоминает о ней. Я знаю, зачем ты пришёл – из-за своей матери, хочешь узнать, что же произошло тогда, на самом деле, не так ли? Думаю, что это самое подходящее место.

– Я пришёл за воздаянием, отец. – промолвил Наммтар, – А о том, что случилось тогда, я и сам знаю. Как это не справедливо, всё же: ты умрёшь здесь, среди цветов, быстрой, почти безболезненной смертью. А её ты обрёк мучиться в замёрзшей яме, посреди ледяной пустыни.

Поймав задумчивый взгляд отца, он повторил:

– Я всё знаю, отец.

– Как же ты сумел достучаться до её духа?

Наммтар приблизился к Морайристу, глядя испепеляющим взглядом на него сверху вниз.

– Ты знаешь, что она более не доступна. – сказал он, – Это Ольвин, мой дед, рассказал в каком виде ты отдал тела моей матери и её брата. Вот почему ты не дал мне с ней проститься тогда. К тому же, был ещё кое-кто, кто помог узнать мне правду. Но скажи, за что? За что ты с ней это сделал? Как мог ты спокойно стоять там и смотреть, как те двое издеваются над ней, по твоему же приказу? Как мог ты бесстрастно слушать её крики и мольбы о помощи?

Морайрист откинулся на спинку скамьи, смял и выбросил цветок, который всё это время держал в руке, и посмотрел в глаза сына.

– Она заслужила это. – холодно заметил он. – Твоя мать предала меня, бросила нас и сбежала к своему братцу. Ты пытаешься оправдать её, но знаешь ли ты, сын мой, что она спала со своим братом, в то время, как я безрезультатно разыскивал свою жену по всей стране, она кувыркалась с ним в койке! – Морайрист сплюнул и, подняв злобные глаза, продолжил:

– Твоя мать была шлюхой, вот я и отдал её солдатне! – он отвернулся.

Злость кипела в душе Наммтара, он готов был наброситься на отца сейчас же и придушить его, запихать эти гнусные слова назад в его поганую глотку, заставить замолчать его навечно. Выдохнув и собрав всю силу воли в кулак, он спокойно ответил:

– Мама сбежала от тебя, потому что ты бил её и мучил. Она надеялась, что на родине, под светом солнца, сможет исцелить свои раны, которые ты нанёс ей. Ты ведь устроил ей настоящую травлю и ещё удивляешься, почему она ушла? Но и в отчем доме ей не суждено было обрести покой. Ты говоришь, что она спала со своим братом? Но вот только это было лишь раз, и то не по её воле!

– Откуда ты это знаешь? – хмыкнул Морайрист. – Ты что был там?

– Я знаю... – тихо промолвил Наммтар. – К тому же, зачем ей тогда было бежать оттуда?

– Не знаю, – небрежно пожал плечами демон. – возможно, братец сам её выгнал, когда она ему надоела. И зная дурной язык твоей матери, я не удивлён этому – достать она могла любого. Да и этот гад тоже хорош – получил что хотел, и выбросил её!

Наммтар взглянул в бледное лицо отца, у него было чувство, что он никогда не знал его, мужчина, сидящий перед ним, был ему чужим – озлобленный жестокий, непредсказуемый безумец, видящий подвох и заговор в каждой тени.

– Да почему ты так ненавидишь короля Нефтали, отец? Что же он тебе такого сделал? В чём причина?

– Причина? – тихо повторил Морайрист. Король опустил голову и принялся разглядывать землю под своими ногами. – А ты не задумывался, сын мой, как я тогда, двадцать лет назад,

попал в плен? Как же простые жалкие смертные сумели меня неволить? И почему вообще Юг решился на восстание?

Наммтар прищурил свои сапфировые глаза и пристально посмотрел на, сидящего перед ним отца. Не дожидаясь ответа, Морайрист продолжил:

– А я отвечу тебе, сын мой, расскажу, что же там было. Когда я прибыл во главе своих воинов на Юг, ради простых переговоров, то обнаружил, что бунтарей поддерживают наши андэгарские соседи. И как я выяснил тогда, они же и были главными зачинщиками того восстания. Но это было ещё не всё: среди эльфийского войска в тот день был и их король, столь горячо любимый братец твоей матери, в окружении кровавых слугителей богини Смерти. Именно эти твари, при помощи своей чёрной магии сумели меня пленить.

Морайрист поднял голову и посмотрел на сына, глаза его горели ненавистью.

– Если б ты знал, каково мне тогда было обезоруженным стоять на коленях, посреди мёртвых тел моих воинов, пред этим подонком и созерцать его наглую ухмыляющуюся морду. Я просил лишь об одном его в тот день – тебя не трогать. Ведь я знал, что эти сволочи будут штурмовать Волчью Пасть, где были вы с матерью. В тот миг я поклялся самому себе, что наступит день, и я верну ему этот должок, и в стократном размере. Спустя годы так оно и вышло – уже он ползал у меня в ногах, захлёбываясь собственной кровью и молил о пощаде... но не для себя, правда. – глухо добавил демон.

Наммтар стоял ошарашенный, отказываясь верить своим ушам. Услышанное сейчас никак не связывалось с тем, что он знал о своём родиче. В этой запутанной истории появилась ещё одна загадка, хотя молодой король думал, что сумел разгадать сею головоломку полностью.

– Я не верю тебе, отец! – мотнул головой Наммтар. – Ты вновь лжёшь! Дядя был хорошим и честным, он никогда бы...

Демон прервал сына:

– Хорошим?! Честным?! – почти крича выпалил он. – Этот гад хотел сжить меня со свету, лишь бы заполучить твою мать! И как ты думаешь, сын мой, какие у него были планы на тебя? Ты действительно считаешь, что он бы оставил тебя в живых?

– Я тебе не верю... – тихо повторил Наммтар, отступив от отца на шаг.

– Дело твоё – верить или нет. Но я искренне рад, что смог прикончить его своими руками. Надо же, – прикрыв глаза, вспоминая, произнёс Морайрист, – он даже вызвал меня на бой, пытался биться со мною в тот день, но мои арбалетчики не дали ему и меча поднять. – с улыбкой добавил он.

– Выходит, ты ещё и трус... – в полголоса сказал Наммтар. – Но допустим, ты говоришь правду, тогда почему ты не рассказал маме о том, что её брат с тобою сделал?

Демон смотрел куда-то вдаль.

– А зачем? – отозвался он, – Разве она бы поверила мне? Твоя мать души не чаяла в своём братце, но даже и не подозревала, что именно он виноват в гибели нашего с ней второго, но так и не рождённого, сына.

Поймав удивлённый взгляд Наммтара, его отец пояснил:

– Да-да, сын мой, твоя мать носила дитя в то время, и жизнью его она расплатилась за свой поход к колодцу Погибели! – лицо Морайриста ничего не выражало, но в глазах его проскользнуло что-то похожее на сожаление. Но как молния в ночном небе, появившись лишь на мгновение, оно бесследно исчезло. – Если бы не её братец, сейчас у меня было бы двое сыновей! А может, и больше.

– Но причём же здесь Нефтали? – с грустью спросил Наммтар. – Ведь мама шла спасать тебя из плена, в который ты угодил из-за своего высокомерия и недалёковидности! А ведь она предупреждала тебя, просила не ехать тогда на Юг. Мама любила тебя, – тихо промолвил он, – за что, правда, не знаю. Она годами тебе всё прощала. Терпела боль и унижения. Сколько заговоров против тебя она раскрыла – она берегла тебя, а ты... Ты убил её! Её и моего не

рождённого брата! Потому-то мама и сбежала от тебя, чтобы ты не навредил ему, за себя она тогда уже не боялась, лишь за дитя, что носила. А ты убил их обоих.

– Вот почему она так долго и не сдыхала... – задумчиво отозвался Морайрист.

Глядя в бесстрастно-довольное лицо отца, Наммтар, не веря своим глазам, спросил:

– Ты что, знал об этом?

– А как ты думаешь, я понял, что она меня предала? И с чего ты взял, что это был мой сын? Это был ублюдок от её братца! И вообще, ты должен быть мне безмерно благодарен за то, что я сделал! Если бы она родила своему братцу наследничка, где б была сейчас твоя корона?

– Или ты убил не только свою жену, но и своего не рождённого сына. – твердил своё Наммтар.

Демон смерил своего отпрыска презрительным взглядом.

– И убью ещё одного, коли он не заткнётся! Да, я приказал своим людям убить твою мать и её придурочного братца – сознаюсь! И не жалею ни капли об этом! О смерти последнего, уж точно. Ты доволен? Что ж, я ответил на твои вопросы, сын мой? А теперь, ты ответь на мои! Как ты смог одолеть мою армию? Ведь числом она превосходила твою втрое! Да и Волчью Пасть взять штурмом невозможно! Но ты тут, тем не менее.

Наммтар усмехнулся, с презрением глядя на отца.

– Твоя армия? Она разбежалась, потому что почти все офицеры перешли на мою сторону! Они предали тебя, вновь! Мне даже не пришлось сражаться – Фиамус бросил твой стяг к моим ногам и присягнул мне на верность!

– Проклятые предатели! – выругался Морайрист. – Опять придётся их всех перевешать, разорвать на куски, выпотрошить и сжечь.

– Нет, отец, ты больше никого не убьёшь! Сегодня твоя история закончится.

– И как же ты собираешься сделать это, сын мой? – поинтересовался Морайрист, поднимаясь на ноги. Стоя, он был выше сына на полголовы. – Ведь я бессмертен, ты же знаешь.

– Я могу убить тебя – во мне твоя кровь, кровь демона. Равно, как и ты можешь убить меня. Лишь один из нас сегодня покинет этот сад, отец. – отозвался Наммтар.

– Но лишь Хорнорн способен убить демона, клинок, выкованный в самом Сердце Тьмы и вобравший в себя всю мощь Хаоса. А меч этот у меня! – ехидно улыбнулся Морайрист, поглаживая рукою голубоватый клинок, – Так что, вряд ли ты покинешь это проклятое место! Живым...

Наммтар стоял, молча опустив глаза, отсутствующим взглядом глядя перед собою. Его медные волосы слегка шевелил ветер, больше никаких движений он не проявлял, не дышал даже. Парень замер, выжидая. Послышался далёкий вой, жуткий, кровожадный. Он приближался всё ближе и ближе, мчащиеся собаки свирепо лаяли и рычали. Наммтар очнулся от оцепенения и развёл руки в стороны: под его бледными ладонями стала сгущаться тьма, постепенно приобретая очертания двух огромных чёрных оскалившихся псов – гончих Ада.

– Мои псы принесут твой меч мне, – заверил он отца ледяным тоном, – вместе с твоими руками!

Молча он спустил собак, которые мгновение посмотрели на своего хозяина, и ринулись на, оголившего своё оружие, демона. Глаза Морайриста горели сапфировым огнём, излучая всепожирающую ненависть. Но собаки были сильнее даже его. С диким лаем и воем они набросились на Морайриста, вцепились длинными острыми клыками в его руки и повалили наземь. Он выронил свой меч, рыча от ярости и боли.

Осторожно подойдя к отцу, Наммтар быстро поднял Хорнорн и приказал псам замереть. Взвесив меч в руках, он окинул ледяной клинок оценивающим взглядом, проведя по нему ладонью, наслаждаясь таинственной прохладой неизвестного металла, блики застывшего огня отражались в его бездонных сапфировых глазах. Довольный своей добычей, Наммтар

улыбнулся, распростёртому на земле, Морайристу, в чьи руки вцепились мёртвой хваткой его собаки и, шагнув ближе, молвил:

– Помнишь, ты вырвал ногти моей матери? А всё из-за того, что она заступилась за меня, потому что ты, рассвирепев, решил наказать меня. И всё за то, что я без спроса взял посмотреть твой меч. Мне тогда было около десяти лет, и после я стал тебя бояться. И опасался до тех пор, пока не снял со стены вашей с мамой опочивальни вот это, – он вытащил из-под чёрных доспехов плоский кристалл, в котором была окровавленная прядь рыжих волос, – тогда я перестал тебя бояться и возненавидел всем своим сердцем. Ты ведь это заметил, поэтому-то и выслал меня в Андэгар, думая, что там я буду тебе не опасен. Но ты ошибался, отец! Ты вечно всех недооцениваешь, считая себя лучше других.

– Теперь я понял, что ошибся лишь однажды, сын мой, – отозвался Морайрист, – когда имел глупость полюбить твою змею – мать, что породила тебя, мне на погибель! Ведь ради неё я вернулся в этот мир, чего мне делать не стоило.

– Ты ведь знал, что с моим появлением на свет, ты станешь уязвимым. Зачем же ты тогда вообще женился? Или думал, что я буду молча выносить твои преступления.

– Я знал, что так будет, что ты восстанешь против меня однажды, но я ничего не мог поделать со своим чувством к этой рыжеволосой эльфийке с зелёными глазами, по имени Элими. Всё сложилось бы иначе, будь бы у тебя брата. Но этот гад, Нефтали всё испортил, вмешавшись в нашу судьбу. Правда, был он не первый.

– О чём ты? – непонимающе спросил Наммтар.

– Я первый нарушил нити Судьбы, покинув пределы Небытия ради твоей матери. Ни меня, ни тебя быть здесь не должно. Твоя мать должна была принадлежать своему братцу, но я решил иначе...

– Ты был не достоин её. – сухо ответил Наммтар. – Но теперь она будет отомщена.

Он занёс длинный прозрачный клинок над своим отцом и добавил:

– Я буду приносить тебе на могилу цветы, обещаю. Пожалуй, синие.

Последнее, что увидел Владыка Хаоса Морайрист, перед тем как его собственный сын опустил его же меч ему на голову, были горящие ненавистью синие глаза на точно таком же, как у него самого лице, только обрамлённого рыжими волосами.

Наммтар распахнул глаза, взмахом длинных светлых ресниц отогнал нахлынувшие на него воспоминания. Он поднялся со скамьи и огляделся вокруг: повсюду были засохшие деревья и пожухшая трава, отломанные ветви и сухие лепестки шелестели под ногами – сад был мёртв, чёрная кровь его отца, Морайриста, просочилась в землю и отравила это, бывшее некогда прекрасным, место. Теперь здесь больше не соберёшь цветов, ни синих, ни золотых. Зная это, он прихватил с собою из Андэгара и ветвь тёмно-индиговых хризантем.

Когда отец Наммтара испустил дух, он привязал его душу чёрными заклинаниями к праху демона и приказал слугам со всеми почестями препроводить тело покойного короля к колодцу Погибели. Накрыв отца его же чёрным тяжёлым плащом и положив поверх него жуткую корону Эрейвинга, Наммтар сбросил тело в бездонную пропасть Сердца Энтропии, заключив дух Морайриста навечно в эту страшную темницу. К слову, точно так же в своё время поступил и сам владыка Эрейвинга, отправив туда дух своего врага, Моревиф, которая явно обрадовалась его появлению там.

Выйдя из сада, Наммтар направился к своему вороному коню, ожидавшего его у стен замка. Оседлав лошадь, он пустил её в сторону колодца Погибели, дабы почтить память отца.

Глава 6. Узоры крови на стене

Проскакав несколько миль в абсолютной темноте – свет солнца не достигал этих мест, молодой король спешил на берегу широкого чёрного озера, в котором вместо воды плескалась и источала жуткую вонь отравленная кровь тысяч людей. Посреди озера возвышался небольшой остров, усеянный клыками острых тёмных скал. В его центре и находился колодец Погибели – чернейшая пропасть, не имеющая дна, где вечно клочкотали вихри Хаоса, рычали и выли жуткие твари, шептали мерзкие проклятия сотни душ, томящихся там колдунов, истерически хохотали в безумии своём демоны.

Этот колодец, стены которого были выложены постоянно разлагающимися живыми трупами, источающими смрад и миазмы, был центром Эрейвинга, питающим своей сатанинской энергией магию, окутывавшую страну. Благодаря Сердцу Энтропии действовали заклинания, оберегающие королевство от разрушений и природных катаклизмов, и именно это место давало здешнему правителю его безграничную мощь, связывая душу его с Тьмой Хаоса. Здесь же томился в вечном плену дух отца Наммтара, демона Морайриста.

Король оставил своего коня на берегу и пошёл вперёд, осторожно шагая по склизким чёрным камням, что выступали из вязкой тёмной жижи и покрыты прогорклым трупным жиром. Он медленно добрался до острова, где над пропастью парило лёгкое зловонное бледно-зелёное свечение. Иногда из бездны вырывался яркий, переливающийся множеством цветов, луч, вонзающийся в тяжёлые тучи и уходящий куда-то бесконечно ввысь. Луч этот был шёпотом Хаоса, сама Тьма вещала в нём, даруя великую силу и мудрость, сумевшему внимать ей. А также, безумие. Ибо оно есть оборотная сторона величия. Наммтар знал, что если часто смотреть на это свет – то можно сойти с ума, ведь рассудок – это дар Упорядоченности, а Хаос разрушает всё, что стоит на своих местах.

Так было и с его отцом, Морайристом. Вначале, когда он победил своего врага, Владыку Хаоса, Моревиф, и вернулся из Небытия, то отрёкся от своей демонической мощи, пожелав остаться в мире плоти и стать простым королём и хранителем Сердца Энтропии. Что вынудило его пойти на этот поступок? Что такого увидел он во время битвы за пределами Бытия и Времени, что это заставило его бросить всё? Неужели, Морайрист не лгал, и возвратиться в мир живых его сподвигла любовь к андэгарской принцессе? Наммтар этого не знал. И долгое время его отец был пусть и самым могущественным, но всё же живым правителем, из плоти и крови, старавшимся всячески избегать посещения колодца Погибели.

Но душа демона, хоть и пребывающего в смертном теле, жестока, и у Морайриста накопилось много врагов, жаждущих его падения. И, однажды, обманом пленив своего короля, заговорщики заключили его на этом острове, и приковали цепями к одной из скал, заставив смотреть на, вырывающийся из бездны, дьявольский луч. Не в силах убить демона собственноручно, мятежники надеялись, что Хаос сделает это за них или, хотя бы, снова заберёт его прочь из этого мира.

Возможно, так бы и произошло, но Морайриста спасла мать Наммтара, королева Элими, освободившая его в одиночку. Морайрист не умер, но изменился, вернувшись из плена, став ещё более жестоким. Так же он начал посещать место своего заточения, сперва изредка, потом всё чаще, днями и ночами напролёт вглядываясь в свет из колодца, внимая зову Тьмы и грезя о былом величии. Морайрист перестал слушать своё окружение, доверяя лишь голосу Хаоса. Что ж, теперь он остался навечно наедине с этим тёмным зовом...

– Ну, здравствуй, отец. Я знаю, что ты здесь, знаю, что ты слышишь меня. Я надеюсь, что ты страдаешь там, нестерпимо мучаешься каждое мгновение своего бытия... Ты заслужил это... Я разрушил твоё тело, но не смог убить Тьму внутри тебя, и сейчас она пожирает меня.

Ты добился своего – я не радуюсь ни жизни, ни солнцу, ни любви. Ты отнял у меня всё, даже право на смерть, сделав насильно хранителем этого проклятого места...

Наммтар, в отчаянии, опустил голову.

– Ты оставил мне лишь горькую память и вечное чувство вины, я победил тебя, но чувствую себя проигравшим. Порою я сожалею о том, что я, а не ты вышел тогда живой из сада. Лучше бы ты мучился сейчас, стоя на краю этой пропасти. Хотя вряд ли бы ты о чём-то сожалел. В последние годы твоей жизни сострадание тебе было не ведомо.

Повернувшись, чтобы уйти, он обернулся и бросил:

– Враги пришли к нам. Хотя, не знаю, зачем я говорю это тебе – ты же мёртв. – грустно усмехнулся Наммтар. – Но они убили Фиамуса и захватили Адрианову Крепость. Я верну её, конечно, но истинные мотивы их мне не понятны. Жаль, что у меня нет твоей пронизательности – ты всегда видел больше, чем остальные.

– Знаешь, – помедлил молодой король, – мне порою всё же не хватает тебя... очень. Не того злобного демона, которого я убил, а отца, что носил меня на руках, в детстве, и которого я любил всем сердцем. Жаль, что мне не вернуть то светлое время.

Наммтар достал из сумки ветвь синих хризантем.

– Это тебе, отец! Я же обещал, что буду приносить тебе цветы... Прощай!

Он зашвырнул цветы в колодец и зашагал прочь, вздрогнув от жуткого злобного воя, зародившегося где-то в глубине бездны. Вернувшись на берег и сев на своего коня, король поскакал обратно в Твердыню Вечной Ночи.

Поднявшись по внутренней винтовой лестнице, Наммтар вошёл в королевские покои, некогда принадлежавшие его родителям. Он оказался в просторной комнате с большим погасшим камином. Мягкий тёмный ковёр покрывал пол и заглушал его шаги. Низенький столик из чёрного дерева стоял возле широкого коричневого дивана, на котором лежали разноцветные подушки. Среди них его мама часто сидела и вышивала шёлком свои прекрасные картины, а он мальчишкой любил наблюдать за быстротою её проворных рук и подавать ей нужные нитки.

Одна из таких картин висела здесь же, над камином. На ней был изображён с поразительной точностью золотой резной лист, уносимый вдаль быстрыми водами горного ручья, который каскадом мелких водопадов ниспадал по тёмным камням. Переливающийся множеством оттенков на свету поток окружали алые цветы и жёлтые травы, растущие по берегам.

"Наша жизнь подобна быстрой реке, – говорила ему Элими, – несущей свои холодные воды сквозь миры и эпохи. И мы, как этот листок проносимся мимо, стоящих по берегам, людей, чтобы через мгновение позабыть о них. Ибо всё вокруг меняется, но мы остаёмся прежними, подхваченные этим стремительным потоком, неумолимо влекущим нас вдаль".

Наммтар отвёл синие глаза от картины и медленно прошёл в опочивальню. То было небольшое помещение с массивной кроватью напротив двери и высокими окнами с занавешенными шторами, что располагались справа. Почти двадцать лет оно пустовало, но было ощущение, что его хозяйка покинула это место совсем недавно. Большую кровать всё так же покрывало изумрудного цвета одеяло из тяжёлого шёлка с мягкой золотой бахромой. Королева любила зелёный цвет, напоминавший ей о летних леса и полях её родного Андэгара. На прикроватном столике стояли пустой хрустальный кувшин и серебряный кубок, рядом с ними лежал её гребень из золота и кости, усыпанный драгоценными камнями.

Наммтар подошёл к противоположной кровати стене, облицованной тёмными резными деревянными панелями. Там, между окном и дверью, если внимательно приглядеться, то всё ещё можно было заметить следы засохшей крови, которые ручейками стремились к полу по

бороздкам в дереве, создавая своеобразный узор. На этой стене была небольшая зазубринка, именно тут много лет назад он снял окровавленную прядь волос своей матери.

Не разуваясь, король лёг на кровать и устался в чёрный с серебристыми прожилками балдахин. В детстве, когда ему было чуть больше четырёх лет, он глядел на него и представлял, что эти серебринки – звёзды на ночном небе. Он лежал здесь рядом с матерью, а она читала ему сказки про древних эльфийских владык, что правили далёкой Страною Туманов и неугомных искателях приключений Олафе и Ульфе, братьях правителя ант'Ариана.

Ребёнком здесь он слушал тихую мамину песню и засыпал, прижавшись к её груди, убаюканный биением её сердца. Позже приходил отец и осторожно, чтобы не разбудить сына, брал его на руки и относил в детскую, что была рядом с родительскими покоями. Как бы хотелось сейчас молодому королю хоть на мгновение вернуться в то время, где не было ни забот, ни печалей, ни врагов, ни скорбей, и когда его отец и мать любили друг друга.

Всё началось, когда Морайрист исчез. Позже выяснилось, что заговорщики заточили его на острове, возле колодца Погибели, надеясь на его смерть. И никто не решился отправиться за своим королём. Тогда мать Наммтара, королева Элими, сама пошла освобождать супруга. Оставив сына с верными ей людьми, она ушла, обещав вернуться. И вернулась вместе с мужем. Вернее вернулся Морайрист, неся едва живую жену на руках. Элими долго пребывала на грани смерти – ведь она была простой эльфийкой, и путешествие к Сердцу Энтропии чуть не стоило ей жизни. Лишь богам известно, почему королева не умерла тогда, прикоснувшись к колодцу Погибели. Но всё же, она вскоре поправилась и вновь стала прежней, чего нельзя было сказать про её супруга.

Король Эрейвинга сделался подозрительным и озлобленным, тяжело пережив заговор против себя, он перестал доверять кому-либо, кроме голоса, что шёл из колодца Погибели. Отношения Морайриста со своей королевой испортились, она как могла отговаривала мужа от посещения Сердца Энтропии, на что он стал отвечать ей грубостью. Они стали ругаться всё чаще, король прилюдно унижал свою королеву и, не скрываясь, изменял ей с блудницами, которых позже убивал. Так же он начал поднимать на свою жену руку.

Нередко Наммтар заставлял свою мать, рыдающую на кровати, покрытую всё новыми синяками и ссадинами. Завидев сына, она прятала слёзы и улыбалась ему, говоря, что упала. Но он знал, что это – ложь. Годами Элими терпела боль и унижения, раз за разом прощая своего мужа, надеясь, что он когда-нибудь станет прежним. Но каждый раз мир между ними продолжался не долго, до очередного посещения Морайристом Сердца Энтропии – вернувшись оттуда, он вновь принимался издеваться над своей королевой, с ещё большей жестокостью.

И как-то, в один из дней, королева загадочно исчезла. Наммтар с отцом обыскали всё вокруг: перевернули вверх дном весь замок, прочесали близлежащие земли, но всё без толку, королева пропала бесследно. Морайрист постоянно твердил про новый заговор, что это враги выкрали и, скорее всего, уже убили его жену. Но вскоре выяснилось, что, уставшая от бесконечных ссор и побоев, Элими сбежала на свою родину, в Андэгар. Злости короля не было границ – он без конца повторял, что его все предали и стал готовиться к войне, которая, как он думал, не заставит себя ждать.

В Твердыне своей Морайриста почти никогда не было – он то внимал гласу Тьмы возле Колодца, то объезжал заставы, дабы убедиться, что граница его земель под надёжной охраной. Поэтому он не сразу узнал, что жена его вернулась. Появилась она так же внезапно, как и исчезла – безмолвной тенью скользнув в свои покои, где её и обнаружили слуги. Наммтар был очень рад возвращению своей матери, хотя из своего путешествия она вернулась молчаливой и подавленной, со страхом и обречённостью в глазах. Потихоньку, королева стала оживать, но была беспокойной и задумчивой, здоровье её также оставляло желать лучшего – она часто плохо себя чувствовала.

Спустя какое-то время Морайрист вернулся. В тот день Наммтар с Фиамусом фехтовали у стен замка и, увидев отца, он бросился к нему на встречу, чтобы поделиться радостной новостью о возвращении матери. Улыбка озарила лицо короля, но странно сверкнули его глаза, поблагодарив сына и заверив, что очень рад, он пошёл к своей супруге. Ничего не подозревающий юный принц весело смеялся, когда ему удавалось, обойдя защиту, уколоть мечом своего наставника. Он даже не догадывался о том, что наверху, в королевских покоях, отец раскрашивает стены и пол спальни кровью его матери.

Закончив свой урок и распрощавшись с Фиамусом, Наммтар пошёл на конюшню, дабы проведать своего нового коня, подаренного ему на прошедшие именины. Там, в полумраке, он заметил, облачённую в серый плащ с глубоким капюшоном, невысокую фигуру, еле стоявшую на ногах. В ней он признал свою мать. Увидев его, она попыталась уйти, но принц окликнул её. Подойдя ближе к дрожащей женщине, он с ужасом узрел, что всё её лицо разбито и залито кровью, а левая рука безжизненно повисла. Опираясь на стену, чтобы не упасть, королева хриплым голосом сказала:

– Он совсем обезумел. Я не могу здесь больше оставаться. Мне нужно уйти. – она согнулась от приступа боли. Наммтар подхватил мать и обнял.

– Я уеду с тобою, мама!

– Нет! – тихо отозвалась она. – Будет погоня и, если он настигнет нас, то убьёт. Лучше меня, чем нас обоих. Он доверяет тебе, пока. Здесь тебе безопаснее. Лишь прошу – отправь письмо Нефу, пусть встретит меня у дерева. И молю, ни слова отцу о нашей встрече.

С этими словами Элими села на лошадь и уехала. Больше Наммтар её не видел. Живой... Он выполнил поручение матери, отправил птицу с посланием к её брату, в Андэгар. Но вскоре отец обнаружил исчезновение своей жены. Принц застал его сидящим на полу возле камина, в королевских покоях, уставившегося в одну точку. Увидев сына, Морайрист поднял на него сапфировые глаза, по щекам его потекли слёзы.

– Она снова ушла... – тихо промолвил он. – Я опять её обидел. А когда понял, что натворил, то пришёл просить прощения, но она уже ушла... Она снова бросила меня, сын мой! – он зарыдал. – Куда же она пойдёт в таком виде? Она же умрёт! Моя бедная Эли! Совсем одна в этой ледяной пустыне! Где мне теперь искать её?

Наммтар сел рядом с отцом и заглянул тому в глаза:

– Пообещай мне, что больше никогда не обидишь маму!

Морайрист посмотрел на сына и, кивнув головою, ответил:

– Клянусь, я и пальцем не трону её! Только скажи мне, где она!

И, поверив отцу, Наммтар рассказал о своей встрече с матерью, про письмо, что она просила отправить и о том, куда она поехала.

– Ясно. – король поднялся на ноги, слёзы моментально высохли на его бледном лице. – Я верну её, даю слово.

Что – то в сапфировом взоре его заставило сердце принца сжаться от дурного предчувствия. Проводив глазами уходящего отца, он поднялся на ноги и пошёл в спальню. Увидев там залитые кровью стены и пол, Наммтар понял, что мгновение назад совершил роковую ошибку, поверив своему родителю. Он поспешил догнать отца, но тот уже покинул замок вместе со своими людьми. Ему оставалось лишь ждать и надеяться, что Морайрист не нарушит свою клятву. И, как выяснилось позже, отец его слово своё сдержал – королеву он и пальцем не тронул.

Спустя несколько дней, Морайрист вернул домой свою жену, правда, мёртвую, а заодно и тело её брата. Сыну же он сказал, что опоздал и владыка Андэгара убил свою сестру, а ему самому ничего не оставалось, как отомстить за жену. Тела их отправили на родину. Вскоре туда же Морайрист отослал и своего сына, заявив, что больше не может видеть его рыжих волос, напоминающих ему о покойной жене.

Там, в Крепости Адриана, Наммтар часами лил слёзы на могилах своей матери и дяди, коря себя за доверчивость, стоявшей им жизни. Много времени он провёл возле холста, изображавшего его самого с родителями, незадолго до гибели королевы Элими. Раз за разом он взывал к духу матери, надеясь узнать правду о её кончине и прося у неё прощения. И каждый раз лишь безмолвие было ему ответом. Но однажды, когда молодой король Андэгара совсем обезумел от отчаяния и, в очередной раз, сидя возле холста, решил свести счёты с жизнью, вскрыв себе вены, дух всё же пришёл к нему. Правда, это была не королева, а дух её брата. С состраданием поглядев на племянника своими опустевшими серыми глазами, Нефтали затворил его раны и с грустью промолвил:

– Не зови её! Они изранили её душу и там, куда она ушла, тебе до неё не дозваться. Теперь она вне досягаемости ни для тебя, ни для твоего отца.

– Маме плохо? Она страдает там? – со слезами спросил Наммтар.

– Нет, – ответил дух, – и да. То, что они с ней сделали будет мучить её всегда, когда и где бы она ни была.

– Как же мне помочь маме? – сокрушался молодой король. – Как заслужить её и твоё прощение?

– Она не винит тебя ни в чём. Равно как и я. – утешал его Нефтали. – Но помочь ты ей ничем не сможешь.

– Скажи мне, хотя бы, что же произошло там, в той ледяной пустыне? Кто и что с нею сделал? – взмолился парень.

– Ты действительно, хочешь знать правду?

– Да, я должен её узнать. Я должен понять, какую роль в этом сыграл в этом мой отец.

– Как пожелаешь, племянник. – отозвался Нефтали. – Но то, что ты узнаешь, изменит твою жизнь навсегда.

Дух короля передал Наммтару свиток.

– Она сама тебе всё расскажет. Возьми, здесь вся её жизнь. Это – её исповедь... И не зови больше, ни её, ни меня. Наступит время, и мы с тобою свидимся вновь.

С этими словами дух исчез, оставив молодому королю длинное послание, исписанное аккуратным почерком его матери, королевы Элими...

... Когда бледный как смерть Наммтар закончил чтение, свиток выпал из его рук и обратился в прах.

– Я ненавижу тебя, отец.

Глава 7. Исповедь

Элими

Don't let my memory die,

and I will stay with you

«For evermore»

Domine

Теперь я вспомнила всё. Обрывки снов и видений сложились в единое целое. И теперь я боюсь. Каждый день я живу в страхе. Ужас проник в мою душу, как яд проникает в кровь, меняя жизнь навсегда. Мне страшно, очень страшно, я боюсь вновь оказаться в том ледяном кошмаре. Мне страшно и очень одиноко – ведь никто мне не поможет, не спасёт, да и не поверит. Я вновь одна, совсем одна, как тогда. Я не знаю, куда мне деться – я бегу, бегу, но мне не убежать от себя самой, от моей памяти. Жаль, что нет ни единой души во всей вселенной, что поверила бы мне и хотя бы попыталась защитить меня. Но вряд ли это возможно. Я сама пожелаю вспомнить своё прошлое и теперь не знаю, куда от него деться – я закрываю глаза и вновь вижу тот ужас, этот кошмар оживает во мне каждый день, особенно сейчас, когда за окнами лежит снег. Зима будто бы воскрешает те давние события. Отчаяние, невыносимая боль, оди-

ночество и животный ужас – вот что я испытываю сейчас и всегда. Я попала в ловушку своей же собственной памяти, от которой не скрыться и не убежать. И не смириться с тем, что было.

Я не стану расписывать всю свою жизнь – это не столь важно, большее значение имеет моя смерть. Так получилось, что именно она стала самым ярким событием моей жизни, которое не даёт мне теперь покоя, ни днём ни ночью. Я лишь хочу, чтобы меня услышали, чтобы живые узнали всю правду о моей жизни и смерти, о том, кем я была, и что чувствовала, чтобы память обо мне и моём брате не обратилась в прах, а имена наши наконец были отчищены.

Я родилась в середине тёплого лета, в древней крепости, что носит имя короля Адриана. Мой брат-близнец Нефтали был наследным принцем Андэгара, страны, что веками вела войну с соседним государством, Эрейвингом. Хотя, в последнее время воцарилось хрупкое перемирие, ввиду отсутствия в мире этом короля наших врагов, потерявших без своего повелителя желание воевать. И перемирие могло бы продлиться ещё сотни лет, но всё изменилось со смертью наших матери и отца, погрузивших в глубокий траур всё государство.

Наши родители, королева Эст'Кайа и лорд Эван, погибли когда мы были ещё подростками. Они умерли вскоре после ритуала, целью которого было почерпнуть новые знания об устройстве Бытия. Но во время их путешествия за Грань, что-то пошло не так, и, сами того не желая, наши родители вместо обретения мудрости впустили в мир живых Морайриста, нашего злейшего врага и правителя Эрейвинга. Через некоторое после того злосчастного ритуала время мамы с папой не стало. Мы с братом остались одни, на попечении брата нашего отца, Ольвина, который, конечно любил нас и заботился как мог, но уследить за всем был не в силах.

После смерти наших с Нефом матери и отца, Андэгар стал готовиться к войне с Эрейвингом и его вернувшимся повелителем, но она так и не наступила. Вместо этого, спустя некоторое время напряжённого ожидания, наш северный сосед запросил с нами мира, заявив, что готов на любые условия и преподнёс богатые дары. Но мой брат не верил королю Эрейвинга, виня его в гибели наших родителей...

С детства мы с Нефом привыкли поддерживать друг друга, доверять во всё. Он всегда защищал меня, оберегал, был опорой и самым верным другом. Мы всегда были вместе, дни напролёт проводили друг с другом, изучая живописные окрестности нашего родного замка. Было у нас и тайное убежище – небольшой охотничий домик, что стоял на, поросшем камышами, берегу тихой спокойной реки. От домика вела старая тропинка, вымощенная рассыпавшимися от времени камнями, она проходила через покосившуюся арку и ввела в чащу древнего тёмного леса, овеянного тайнами и легендами. Туда так часто убегали мы, стараясь скрыться от нудных придворных обязанностей, ибо загадки первозданной природы были нам милее. В нашем домике, при свете неяркой свечи мы с братом любили часами разговаривать обо всё на свете. "Одна душа у нас" – как часто мы говорили это, замечая, что думаем порою об одном и том же, и могли друг за друга заканчивать любую фразу.

Но после его коронации мы стали отдаляться. Государственные дела занимали почти всё свободное время брата, мы всё реже бывали в нашем старом охотничьем домике. Я была представлена самой себе, и подолгу сидела возле окна, вышивая шёлком гобелены и смотрела вдаль, на Север, словно бы ждала чего-то. Душа моя стала беспокойна, сердце моё всегда чувствовало, что тот холодный край сыграет немаловажную роль в моей судьбе.

Была у меня и ещё одна причина отдалиться от Нефа – после его восхождения на трон, один из советников всерьёз предложил поженить нас с братом. Это не вызвало у меня восторга, скорее смутило, ведь я всегда воспринимала брата как лучшего друга, самого близкого мне человека. Я не рассматривала его как мужчину, видя в нём скорее продолжение самой себя. Стараясь избежать этой неловкой ситуации, я практически не выходила из своих покоев в то время, но вскоре всё изменилось. Ибо моё предчувствие насчёт северной страны сбылось.

Был тёплый солнечный день середины осени, это был день моего второго рождения. Шестнадцать лет назад жрецы крови спасли меня от неминуемой гибели, исцелив смертель-

ные раны, которые я получила, неудачно упав с высоты второго этажа. Их магия даровала мне жизнь, но сделало мои светло-русые от природы волосы золотисто-рыжими, подобно осенней листве.

Деревья окрасились золотом и багрянцем, когда в нашу крепость пожаловала делегация из Эрейвинга. Политика меня мало интересовала, и я отправилась в рощу, что росла неподалёку от нашего замка, дабы собрать дикие ягоды для пирога, предоставив Нефу самому разбираться с нашими гостями. Гуляя среди пожелтевших кустов, я слушала пение птиц и грелась под мягкими лучами тёплого солнца, тихо напевая песенку. И вдруг я почувствовала чьё-то присутствие, услышала чьи-то осторожные шаги у меня за спиной.

Обернувшись, я увидела высокого мужчину, облачённого во всё чёрное, с длинными иссиня-чёрными волосами, кожей белой, как первый снег и необыкновенными синими глазами. Его внезапное появление настолько обескуражило меня, что я потеряла дар речи. И он, похоже, тоже. Мы долго стояли там, посреди осенней рощи, и молча смотрели друг на друга. Я не знала, кем был этот мужчина, но одно знала точно – эти синие очи мне не забыть никогда. Так судьба свела меня с Морайристом, и я полюбила его, всей своей душой. И, наверное, люблю до сих пор, не смотря ни на что. Тогда я утонула в его бездонных сапфировых глазах и навсегда потеряла в них свою душу и покой.

Мы вернулись в мой родовой замок, держась за руки, туда, где мой брат наотрез отказался на выдвинутое ранее предложение северян выдать меня замуж за их короля. Но увидев нас с Мори, Неф понял, что все его старания напрасны и его сестра всё же достанется правителю Эрейвинга. В тот миг у моего брата был такой взгляд, словно в сердце ему вонзили кинжал. Знаю, он был против моего выбора, и отговаривал меня от этого союза как только мог. Но я была непреклонна.

Мори говорил, что любит меня, клялся мне в искренности своих чувств, но было ли это правдой – я не знаю, но хочу в это верить. Мы поженились, и я уехала в его холодную страну, Эрейвинг, далеко на Север. На нашей свадьбе присутствовал весь двор Андэгара, в том числе мой брат и дядя Ольвин. В тот день мой Неф преподнёс мне подарок на свадьбу – красивую тёмную деревянную шкатулку, в которой лежали две скрещенные золотые шпильки, заточенные словно стилеты. Клинки их обвивали прекрасные резные змейки, в паре смотревшие друг на друга. Змеи – древний символ нашего рода. Украшение это было принесено в наш мир королевой Лиайрой, нашей бабушкой, из Страны Туманов.

Давным-давно ей также подарил их её брат, Анвельт, ставший впоследствии её мужем, как знак вечной любви и преданности. На родине наших предков подобные союзы карались смертью, но моих родичей это не остановило, и они предпочли скитаться в бегах, нежели потерять друг друга... Протянув мне сей дар, Неф грустно улыбнулся и тихо сказал: «Это чтобы ты никогда не была беззащитна здесь, вдали от дома». Лишь теперь я понимаю, как сильно страдал тогда мой брат, отпуская меня, отдавая другому.

Так я уехала в другую страну, расставшись со своими родными и отчим домом, чтобы стать женою мужчины, которого так сильно полюбила и королевой его холодного неприветливого края. Земель, где большую часть года лежат снега, укутывая всё густой белой пеленою, а короткое и серое лето проноситься так быстро, что заканчивается, даже не успев толком начаться, не в силах согреть озябшую природу. Страна, где весь Север скован льдом и тьмою, являясь полностью необитаемым, а Юг покрыт мрачным непроходимым вечнозелёным хвойным лесом, зачастую погружённым в туман, изрезанный острыми пиками высоких скал и более пологими сопками, поросшими дурманящим багульником. Сквозь эти дебри стремят свои холодные, но чистые воды многочисленные горные речушки. В этих суровых местах так часты были сильные грозы, даже зимою, грохот которых жутко пугал меня по началу.

Всё в этих краях было чужим мне: природа, погода, обычаи, люди, живущие там, и законы, принятые в тех местах. Мой новый дом населяли простые смертные люди, существа,

непонятные мне, с которыми ранее мой народ встречался лишь на поле боя. Более грубые и неотёсанные, жестокие, подобно зимней стуже, занятые своими насущными суетными делами, люди эти жили в плену у своих дремучих суеверий и закоренелых обычаев, уходящих корнями в седую старину. Они были менее развиты, чем мой народ и видели мир совсем иначе, чем мы, не так тонко, не ощущая душу всего живого.

Тем более, это были не простые люди, а живущие в тени Колодца Погибели, в Стране Зла. Их предки когда-то обратились ко Тьме, желая получить недоступную простым смертным мощь и богатства. Прибегнув к чёрной магии, они связались с демонами Преисподней и впустили одного из них в свой мир. Самого сильного из порождений Хаоса, который быстро поработил их, заставив служить себе своих же освободителей. Он стал королём среди смертных, но и сам, в конце концов, очень многое перенял у них: их нрав, аскетизм, устои и морали. Этим демоном был мой муж, Морайрист, или как его звали тогда – Невистар...

Всё было хорошо поначалу, мой муж любил меня, был нежный и внимательный ко мне, я была его королевой. Хотя мне было тяжело привыкнуть к его стране, её странностям, порою через чур суровым нравам и обычаям. В Андэгаре всё было иначе: нередко были шумные приёмы и балы в королевской резиденции, когда родители мои были ещё живы, устраивались состязания и турниры, выступления жонглёров и менестрелей. Лето было теплее, осень ярче, зимний снег пушистей, весенние цветы нежнее, нарядней и легче одежды, музыка веселее и совсем другое отношение там было к женщинам.

У эльфов прекрасный пол был всегда равен сильному, голос эльфиек звучал ничуть не тише голоса эльфов, к их словам, мнению и желаниям прислушивались. Женщина даже могла править государством, если у короля не оказывалось наследника мужского пола. Моя мать была правящей королевой, и сложно было бы представить, что кто-то мог её послушаться, даже отец порою побаивался ей перечить. Нрав у неё был суровый. Вот и я выросла, привыкнув высказывать прямо свои мысли, зная, что имею право на голос, что остальные будут со мною считаться. Я была воспитанной и начитанной девушкой, умеющей вести беседу и грамотно аргументировать свои доводы.

Так было, пока я не уехала в Эрейвинг, где властвуют совсем иные традиции, и где женщина, пусть даже королева – всего лишь безмолвная и бесправная тень своего мужа. Я не могла этого понять и принять и, поначалу, пыталась жить так, как привыкла на родине, норовясь вмешаться в дела мужа и дать ему совет, как делала дома, помогая брату мудро править королевством. Но вот только я была ныне не в Андэгаре и мне быстро объяснили, кто я и где моё место.

С нежностью, но с твёрдостью в голосе, не терпящим возражений, Мори не двусмысленно дал мне понять, что моя участь – следить за порядком во дворце, помалкивать и рожать ему детей, большего мне не дозволено. В тот момент я проняла, что оказалась в совсем чужой для меня стране и глупо было надеяться, что мой муж ради меня поменяет её тысячелетние законы и обычаи. Постепенно, я подчинилась, и сама не заметив как, приняла традиции моего нового дома, став тихой и послушной тенью своего супруга, которого так сильно любила, делающей лишь то, что он ей скажет.

Но всё же, я была так счастлива и меня не пугали ни суровые устои, ни вечный холод и мрак моего нового дома. Главное, что мой милый муж был рядом со мною, глядел на меня с любовью своими прекрасными сапфировыми очами. И, чтобы я не скучала по оставленному мною Андэгару, он приказал разбить чудесный сад во внутреннем дворе нашего замка, где высадили мои любимые золотистые цветы. Я никогда не забуду их запах – аромат мёда и ванили, с лёгким шлейфом свежести листвы. Мы проводили там много времени, я плела венки и украшала волосы Мори синими и фиолетовыми цветами, а он улыбался мне в ответ. Посреди золотистой лужайки, пахнущей мёдом, мы нередко предавались любви, там же зародилась и жизнь нашего сына, Наммтара. Мори был так рад, когда я сказала ему, что жду от него ребёнка.

Но беременность моя протекала тяжело, малыш высасывал из меня все силы, ведь я была простой эльфийкой, а он – от крови демона. Я стала слабеть и таять прямо на глазах, и не знала, смогу ли доносить дитя. Тогда Мори начал помогать мне – он клал свои ладони на мой живот и отдавал свою энергию нашему ещё не рождённому сыну, а тот ненасытно впитывал её, требуя всё больше. Это было прекрасное чувство единения, когда мы трое становились одним целым. Так, совместными усилиями, мы с Мори выносили нашего малыша. Он был просто счастлив, когда родился Наммтар. В тот день мой муж снял со своей шеи старинный кулон с большим синим камнем, который сжимали две когтистые лапы и отдал его мне, чтобы он оберегал меня, сказав, что мы с сыном – самое дорогое в его жизни. Я никогда не расставалась с этим украшением, и носила его всю жизнь, не снимая.

Но, к сожалению, характер у Мори был тот ещё – это какая-то смесь нигилизма и мизантропии, порою, мне казалось, что он ни во что не верит, по крайней мере, ни во что хорошее. Хотя проблески положительных эмоций у него всё же были, редко, но всё же он улыбался. А, в целом, он был молчаливым и мрачным. Но тем не менее, мы как-то уживались вместе, я как могла старалась вселить в его душу надежду на лучшее. Так часто, застав Мори в мрачном расположении духа, я обнимала его, прижав его голову к своей груди и гладила прекрасные чёрные волосы мужа, нащёптывая ему приятные вещи, говоря, что всё будет хорошо. Он смотрел на меня и слабо улыбался, говоря, что только я одна вселяю в его душу надежду, и что кроме меня у него нет никого.

Когда нашему с Мори сыну исполнилось четыре года, мы все вместе отправились на мою родину, Андэгар, для разрешения политических вопросов и чтобы навестить мою родню. Я была так счастлива от того, что смогу вновь увидеть знакомые лица, обнять дядюшку Ольвина, посетить дорогие моей памяти места. Но больше всего я была рада Нефу, моему брату, встретившего нас чуть ли не на границе страны. Мы веселились и безудержно болтали с ним весь день, держась за руки, смеялись и вспоминали наше с ним детство – я вновь стала прежней, неугомонной, живой. словно бы два светлых крыла выросли в тот день за моей спиной.

Мы с Нефом веселились и шутили, забыв обо всём на свете, а муж мой взирал на всё это, сидя в сени дерев, своими синими бездонными глазами с ледяным выражением лица. Он не проронил ни слова, пока не опустилась ночь, и мы не остались с ним одни. Тогда Мори объяснил мне, что более я не являюсь частью народа Андэгара, а принадлежу всецело ему и только ему одному, и что жить я должна лишь по его правилам. Тогда он ещё не бил меня, но грубость себе иногда позволял. Помнится, я впервые осознала тогда, насколько долгой может быть ночь.

Наутро, пряча синяки, я сторонилась своего брата, но когда он всё же заговорил со мною, я заявила ему, что вчерашнее моё поведение было недопустимым для королевы Эрейвинга. На это он с недоумением ответил, что я была лишь самой собой. Позже он решил заступиться за меня перед Мори. И зря – это привело к ссоре двух королей, после которой нам с мужем пришлось спешно уехать. И ещё долгие годы я не видела ни своей родины, ни дядю, ни брата. Вернувшись в Эрейвинг, я вновь превратилась в покорную вещь своего супруга.

Минуло пять лет со дня нашей свадьбы и годы эти были самыми счастливыми в моей жизни. И самой большой радостью было то, что я вновь носила дитя. Для нас с Мори это было столь желанным событием. Но однажды случилось так, что мой муж оказался в плену у врагов. И никто из его окружения не захотел спасти своего короля. Его придворные считали, что если их правитель, которого они откровенно считали самодуром, сгинет, то так будет лучше. Мори был, конечно, тираном и подданные его боялись, он был непредсказуем и порою через чур жесток.

Знать полагала, что зачем спасать такого неуправляемого короля, если есть молодой наследник, в голову которого можно вложить нужные им мысли, да и манипулировать тихой королевой-регентом будет не сложно. Если, конечно в их планы входило оставлять нас с сыном

в живых. Вот только их королева оказалась не такой уж тихой и покладистой: я пошла за Мори одна и освободила моего короля из плена!

Я пробралась на тот жуткий остров, что в центре мёртвого озера и возле Колодца Погибели обнаружила моего мужа, прикованного к скале, обезоруженного и избитого. Мне не забыть какой у него тогда был взгляд, он уже не ждал спасения, а тут появилась я. Его глаза были полны изумления и непонимания, ведь он разуверился во всех и всём.

Этот поход едва не погубил меня, и прикосновение к той жуткой Тьме, возле которой был прикован мой муж, стоило жизни моему так и не рождённому сыну. Спасение Мори отняло у меня возможность вновь стать матерью, как я думала тогда, навсегда. По возвращении в наш дворец, Мори казнил почти всё своё окружение, видя в каждом из них предателя. Костры горели до горизонта. Всё же мой муж был безжалостным.

Возможно, именно тогда что-то изменилось. Я не знаю. Но что-то поменялось, стало другим. Его отношение ко всему и ко мне. Нет, поначалу, всё было даже лучше, чем раньше – мне кажется, Мори чувствовал себя благодарным мне за своё спасение, и боль от потери нашего второго сына нас сблизила, но потом... Быть может, я во всём виновата – лезла к нему в душу, пыталась переубедить его в каких-либо взглядах. Его постоянно тянуло к этому Колодцу, а я его отговаривала, вина то мрачное место в гибели нашего малыша. Но Мори был упрям, и на мои предложения вскоре он стал отвечать агрессией. Я не понимаю как, но наши отношения постепенно стали портиться, становилось всё хуже и хуже. В итоге, это превратилось в настоящую войну. Мы стали просто ненавидеть друг друга, делая всё возможное, чтобы причинить друг другу боль.

Вскоре Мори перестал прикасаться ко мне, хотя раньше я не испытывала недостатка ласки от него. В отместку я устраивала ему скандалы и истерики, угрожала что вернусь в Андэгар, к брату. Подобные заявления всякий раз приводили моего мужа в бешенство. Но это было лишь начало: как-то раз я застала своего супруга в компании двух блудниц, за интересным занятием, конечно. Когда я вошла в комнату, он даже не удосужился остановиться, он смотрел на меня и нагло улыбался, словно бы упиваясь моей болью. Я не знаю, но тогда у меня просто внутри всё перевернулось, сломалось что-то. Это было отвратительно и ужасно – я чувствовала себя преданной и униженной.

В слезах я отправилась в наши с Мори покои и долго рыдала на кровати, а потом, закончив с блудными девками, он пришёл ко мне. Мори был мне противен, после того что он сделал, мой муж стал мне не просто чужим, он стал мне омерзителен. Он, словно бы издеваясь, решил заняться со мною любовью, если так это можно назвать. Я не желала этого, я не хотела, чтобы Мори даже прикасался ко мне. Я сопротивлялась, отбивалась от него как могла, даже лягнула его в живот, от чего он ещё больше рассвирепел.

Но Мори был сильнее, гораздо сильнее меня. Он ударил меня по лицу и швырнул на кровать. Он разбил мне губы и нос – кровь смешивалась со слезами. Мори долго насиловал меня, он был так груб, как никогда раньше. Но за что? Что я такого ему сделала? Ведь я была его женою, матерью его единственного сына! Потом он ушёл, оставив меня одну рыдать от боли и унижения. Позже это повторилось вновь, к тому же он постоянно кричал на меня, вымещал всю свою злобу на мне. Я хотела сбежать, но мне было жаль Тару, наш сын очень страдал от разлада в нашей семье.

Каждый раз когда Мори, вдоволь удовлетворив свою жажду садизма и похоти, удалялся, я забивалась в угол кровати, ставшей такой большой и холодной теперь. Я сжималась в комочек и тихо плакала, прижимая к себе подушку, словно бы она могла защитить и утешить меня. Тогда я всё чаще вспоминала о Нефе, моём милом брате, который всегда оберегал меня, с самого детства, относился ко мне как к сокровищу. Раз за разом я сожалела, что поспешила отвергнуть идею о нашем с ним союзе. И мысль о том, чтобы сбежать обратно в отчий дом всё чаще посещала меня.

Но всё же я не решалась уйти. Ведь здесь был мой дом – мой муж и мой сын. Я не могла бросить Тару. И хоть Мори делал всё, чтобы ограничить моё общение с сыном, но Тару был очень привязан ко мне, любил меня всем сердцем и переживал из-за наших с мужем ссор. Да и всё же, в глубине души я надеялась, что с глаз Мори когда-нибудь спадёт пелена тьмы, и он вновь станет прежним. Поэтому я снова взяла себя в руки и попыталась наладить наши с ним отношения, хотя бы ради сына. И, как ни странно, Мори пошёл мне тогда на встречу. Наши распри прекратились, мы вновь обедали и ужинали всей семьёй. И пусть былой страсти между нами больше не было, но мы всё же какое-то время жили мирно, без драк и скандалов. И Тару был счастлив, а это было самым главным.

Но, к сожалению, это перемирие длилось совсем не долго, и вскоре Мори вновь сорвался и наша война разгорелась с новой силой. Мой муж бил и насиловал меня не один раз и вскоре на моём теле не осталось живого места, но каждый раз, когда он издевался надо мною, я пыталась дать ему отпор – такой уж у меня характер: не могу я молча смириться и терпеть, ведь я всё же королева.

Годами я терпела побои и издевательства, но однажды силы мои иссякли. Мой муж любил устраивать весёлые посиделки со своими придворными и девицами лёгкого поведения, в то время, пока я злилась на него, сидя в наших покоях. Как-то раз Мори заставил силком привести меня на одну из таких гулянок и предложил мне присоединиться к нему и его оголённой компании. Я, конечно же, отказалась, но он не позволил мне уйти. Тогда он взял меня силой прилюдно, на глазах у собравшихся людей, смотревших на это с непониманием и какой-то толикой жалости ко мне, плачущей и умоляющей мужа прекратить. Мне сопереживали даже блудницы, присутствовавшие там, но только не Мори, веселившийся от души и не замечающий погасших улыбок своих компаньонов. Я не знаю, как я смогла вынести это унижение и когда он, наконец, отпустил меня, я ринулась прочь на непослушных ногах, дрожа и безмолвно плача, не в силах поднять голову и взглянуть на окружающих меня людей.

Вернувшись в свои покои, я забилась в угол спальни, не зная, что же будет дальше. От ужаса я просто обезумела. В последнее время я всё чаще ощущала себя затравленным зверем, лисою, в окружении рассвирепевших псов. Потом появился Мори, он был очень зол на меня за то, что я испортила ему веселье. Он кричал на меня, бил, а затем швырнул на пол и пнул с жуткой силой под рёбра, от чего у меня пошла ртом кровь, я стала задыхаться и забилась в ужасных конвульсиях у ног своего мужа. Видимо, он и сам испугался того, что натворил со мною, и помчался за лекарем.

Когда, спустя время, я пришла в себя, то узнала, что осколок ребра пробил мне желудок. С тех пор и до конца моей жизни меня постоянно мутило, мучила боль и есть я почти не могла. Пару недель длилось затишье, Мори редко приходил ко мне и был немногословен, хотя всё-таки удосужился принести мне сухие извинения за своё поведение. Прошло некоторое время, я встала на ноги и вновь смогла передвигаться по замку, и тогда мы опять поругались. Причиной стала моя просьба отпустить меня на родину, хоть на время, чтобы повидать отчий дом и дядю с братом.

Упоминание о Нефе вызвало приступ безумной ярости у мужа, между нами завязалась потасовка. Мори ударил меня наотмашь по лицу, распоров мне своим острым перстнем правую щёку. Потом он надругался надо мною с невероятной жестокостью, превзойдя самого себя в тот день. Но и этого ему показалось мало. Мой муж решил, что будет забавно, если он изнасилует меня рукоятью своего меча. Весело было лишь ему, мне же было очень больно. Он сильно поранил меня тогда, так что я едва могла ходить. Пожалуй, это стало последней каплей, и я решила уйти от него.

Я не знаю, что бы со мною стало, останься я с мужем. Возможно, со временем, его злоба стихла бы, и всё вернулось в прежнее русло, мы вновь стали бы жить как прежде. Хотя... скорее всего, он забил бы меня до смерти, ведь всё к этому и шло. Но я отказываюсь в это верить, сама

не знаю почему. Мне просто хочется верить в то, что в глубине его души он остался прежним, тем, кого я так сильно полюбила. Наверное, я просто наивная дура, но я такая какая есть – хочу видеть лучшее.

Я сбежала к Нефу, и когда брат увидел меня, во что я превратилась, то первым его желанием было объявить войну Эрейвингу и убить Мори. Но я его отговорила – ведь там был Тару, мой сын. Да я и не желала гибели своему мужу, хоть он и плохо обращался со мною. Я надеялась, что он всё же одумается, что разлука со мною заставит Мори пересмотреть своё отношение ко мне. Наступил хрупкий мир. Мори неоднократно слал мне письма то угрожая мне, что придёт за мною с войском, то умоляя вернуться, сокрушаясь как плохо им с Тару без меня. Но я на не отвечала на эти послания. Некоторое время я прожила в Андэгаре, по большей части, не выходя из своих покоев, залечивая нанесённые мне раны и не желая с кем-либо говорить, тем более обсуждать последние события в Эрейвинге.

Однажды мы с братом решили утопить мою боль в вине и изрядно напились. Тогда Неф предложил выпить, недавно подаренный ему, настой из очень сильнодействующих дурманных трав. Напившись, я стала жаловаться брату на свою нелёгкую долю, на мужа-тирана, на то, что он мучает меня и изменяет мне. Мне было так обидно и до слёз жаль себя, а ещё я была очень зла на Мори. Потом был этот настой... Я стояла возле окна и смотрела на догорающее солнце, когда Неф, подойдя ко мне сзади, обнял меня за плечи, стараясь утешить. Помнится, он удивился тому, что я до сих пор ношу кулон, подаренный Мори. Брат начал нежно гладить меня по шее, его руки спускались всё ниже...

Мне так хотелось тепла и простой человеческой доброты, и я не стала противиться его ласкам. А он всё не останавливался. И в какой-то момент я решила отомстить мужу, отплатить ему той же монетой, заставить его мучиться и ревновать. И так вышло, что я переспала со своим братом. Сейчас я очень жалею об этом, тот поступок поломал нам жизнь – Нефу, мне, Мори и Тару, всем нам. Не знаю, мне стыдно признать, но где-то в глубине своей души я давно хотела Нефа, пожалуй, с тех пор как мы стали взрослеть.

С тех самых пор, как Неф впервые поцеловал меня. Это случилось, когда нам было пятнадцать лет, и наши родители ещё были живы тогда. Была чудесная осенняя пора, и мы с братом гуляли по нашей любимой роще, веселясь и радуясь теплу солнечного дня. Мы остановились на каменном мосту, перекинутом через широкий ручей – оттуда открывался замечательный вид на золотисто-красные деревья, росшие на его берегах. Неф прикоснулся к моим волосам, желая поправить цветы в них, а затем неожиданно поцеловал меня в губы, робко и нежно. Я испугалась и оттолкнула его и, залившись краской от стыда, помчалась прочь, назад в замок. Тогда-то и зародилось это странное влечение к моему брату, от которого я всячески пыталась убежать, но оно всё же меня настигло. Но я боролась с этой тайной страстью, подавляла её, а когда я повстречала Мори, то напрочь позабыла о брате.

Позже, будучи уже замужем за Мори, когда я приехала в Андэгар с супругом и сыном, то заметила, как сильно изменился мой брат. Он больше не был тем тихим и застенчивым юношей, скромным и порою нерешительным. Неф превратился в красивого мужчину, стал настоящим королём, гордо и уверенно смотревшим на мир, окружённый ореолом благородства и власти. Тогда это тайное чувство вновь пробудилось во мне, настойчиво стучась в душу, как назойливая головная боль.

Спустя годы, когда Мори всё чаще и чаще поднимал на меня руку и всячески обижал меня, я раз за разом вспоминала о Нефе и о нашем первом поцелуе. Я всё думала о том, какой бы могла быть моя жизнь, если бы я не убежала тогда с моста и позже согласилась бы выйти за Нефа замуж. Я терлась в догадках и долго лила слёзы о том, что предала когда-то мужчину, на самом деле любившем меня. Я запуталась в своих чувствах – ведь и Мори также был мне мил, несмотря ни на что...

Я проснулась рядом с братом, без одежды, с дикой болью в голове и кровью, текущей по моим ногам. Тогда я поняла, что натворила. Мне было стыдно и страшно, очень страшно – ведь я знала, что если мой муж узнает о том, что здесь произошло – то он убьёт и меня и Нефа. А ещё я не могла находиться рядом с братом, ведь я доверилась ему, приехала за помощью... Да, он вряд ли сам понимал, что делал, но тем не менее то, что произошло между нами – было ошибкой, и я хотела забыть это как дурной сон. Ну зачем, зачем я это сделала? Почему поддалась ему? Не знаю. А ещё у меня больше не было дома, в том понимании, что нигде я больше не чувствовала себя в безопасности. Мой муж, мой брат – они оба использовали меня, каждый по-своему, но одинаково не интересуясь моими мыслями и чувствами.

Пока Неф спал, я собрала свои вещи и отправилась обратно к Мори, надеясь забыть то, что произошло в моём отчем доме. Я чувствовала себя ужасно – подавленной и разбитой, мои мысли путались, я не знала, что мне делать, кому довериться. Мне было одиноко и грустно. И страшно.

Когда я вернулась в Эрейвинг, мой муж был в отъезде, и какое-то время я провела с Тару. Постепенно я начала успокаиваться и мне стало казаться, что всё ещё может вернуться в своё русло. Я старалась всё забыть, словно дурной сон. Моё здоровье становилось всё хуже – меня постоянно мутило, живот как будто бы разрывало на куски, не было сил даже ходить, почти всё время я проводила в постели, гадая, что же является причиной моего скверного самочувствия.

Пересилив себя, я всё же решила позвать придворного лекаря, хотя очень боялась услышать от него подтверждение моим опасениям – меня терзали смутные сомнения о том, что я вновь жду ребёнка, но вот только от кого? Пришедший врач ничего вразумительного о моём состоянии не сказал, лишь как-то странно посмотрел на меня и подозрительно засуетился, выписав мне снадобье от тошноты, что только убедило меня в моей правоте.

А потом вернулся Мори, и по его пылающим злобой и ненавистью глазам, я поняла, что он всё знает про нас с Нефом. Откуда – не могу понять до сих пор. Наверное, лекарь всё же что-то понял. Тогда меня пробрал такой смертельный ужас, что всё внутри у меня сжалось. Мори с злобными воплями швырнул меня об стену, с которой я сползла, оставляя кровавый след; потом он пинал меня и бил головой о вышеупомянутую стену, попутно изрыгая такие грязные ругательства, что даже у солдатни заложило бы уши. Хотя я мало что помню из его слов – в голове у меня стоял невыносимый звон, и адская боль пронизывала меня. Тогда-то он вывихнул и сломал мне, в локте, левую руку, раздробил правую скулу, несколько рёбер и отбил, пожалуй, всё что можно отбить. Потом Мори ушёл, оставив меня истекать кровью, лёжа на полу. Жаль, что он не забил меня до смерти тогда.

Когда я пришла в себя, то поняла, что мне нужно вновь бежать и опять к Нефу – куда ж ещё? Собрав остатки сил, я накинула на себя серый плащ с глубоким капюшоном и пошла прочь из замка, но по пути встретила Тару. Я рассказала сыну, что не могу так больше жить и что должна уйти, а также попросила его не говорить отцу о нашей с ним встрече и отправить письмо моему брату, чтобы он встретил меня в условленном месте. Я очень плохо себя чувствовала и даже не знала, доеду ли я живой до брата.

Была зима, и мой путь пролегал через ледяную равнину, изрезанную ущельями и разломами. Мне не повезло с лошадью – по пути она подскользнулась и сломала ногу, пришлось идти пешком по холоду и ветру. Я так замёрзла, уже не чувствовала ступней и рук, а левая сломанная и вовсе была как плеть. Я выбилась из сил, слёзы замерзли на моих щеках, я подскользнулась на льду и падала, отбив себе колени, но вставала и шла вперёд к Нефу. Место, где мы должны были встретиться с братом – большое старое мёртвое дерево посреди заснеженной пустоши, уже виднелось, но Нефа я там не видела, там не было никого. В мою душу тогда закралось очень нехорошее предчувствие, тот предательский страх, который не покидает меня и поныне.

А потом я всё же увидела Нефа. Он лежал на снегу, истекая кровью, израненный кинжалами и пронзённый стрелами, но он был ещё жив. В отличие от его людей, чьи трупы находились неподалёку. Это была ловушка – нас там ждали. Но кто знал, где нас искать? Лишь мой сын, Тару. Похоже, Мори, обнаружив моё отсутствие, убедил нашего сына, что отправляется на мои поиски, чтобы вернуть меня, так как осознал свою вину и хочет помириться со мною. И Тару конечно же ему поверил, рассказал куда я отправилась. Мой наивный, честный, несмышлёный сын.

Я опустилась на колени возле умирающего брата, захлёбываясь слезами, я пыталась помочь ему, остановить кровь, льющуюся из его ран. Но я понимала, что это – конец. Всё. Всё, конец нам обоим: Мори нашёл нас, и месть его будет ужасна, ведь я знала насколько жестоким бывает мой муж. Мне было так страшно, я не могу описать это словами – ту боль и отчаяние, на моих руках умирал мой единственный брат, самый близкий мне человек, который, не смотря ни на что, был мне так дорог. Он был частью меня, у нас с ним была одна душа на двоих.

А ещё я понимала, что скоро придёт и мой черёд, и что смерть моя явно не будет лёгкой. Неф взглянул на меня своими удивительными огромными светло-серыми глазами и прошептал: "Беги!". А я словно бы в ступор впала, не могла его там бросить одного. Тогда он вновь прохрипел: "Прошу тебя, уходи! Они здесь!", и его зрачки стали чёрными. Я поняла, что мой брат, мой милый братишка, умер. Весь мир рухнул для меня в тот миг, превратившись в прах навсегда. Слезы текли ручьями из глаз моих. Дрожа и рыдая, я поднялась на ноги и увидела четырёх мужчин. Это были воины моего мужа. Хотя скорее даже не воины, а наёмники, жестокие убийцы, бездушные мрази, подонки, отморозки, в которых нет ничего святого, безжалостные звери, алчущие крови.

Собрав последние силы, я побежала от них, не разбирая дороги, лишь бы прочь, подальше от них, не важно куда. Сердце бешено колотилось у меня в груди, слёзы душили меня, я задыхалась, но бежала. Я чувствовала себя загнанным зверем, лисой, за которой мчится стая гончих. Я не оглядываясь бежала, но ощущала как они, играючи, настигают меня. Мне было ужасно, ужасно страшно. Я знала, что мне от них не убежать, но что мне было ещё делать? Почему это случилось со мною, ведь я не хотела, чтоб так всё закончилось! За что мне всё это?

Потом я подскользнулась и упала, а когда поднялась, они были уже рядом. Я ненавижу их – здоровенные, неотёсанные, грубые, небритые мужланы с гадкими ухмылками. Они мерзкие и отвратительные. Эти твари остановились в нескольких метрах от меня. Их главарь и его помощник стали медленно приближаться ко мне. Плотно улыбаясь, их главарь, достал кинжал и произнёс: "Попалась, сука!". Ненавижу его, его звериные голубые холодные глаза, его короткие волосы и рыжевато-русую щетину на квадратной челюсти и жёлтые зубы. Мерзость, одним словом.

У второго тоже были светлые беспощадные глаза, но его короткие волосы были темнее, он был ниже ростом и бородат. Мой разум отказывался верить в происходящее, мне казалось, что я вижу дурной сон и надеялась, что скоро проснусь. В голове моей не укладывалось, что эти мрази, жалкие прихвостни моего мужа, осмелятся меня тронуть. Хотя, участь моего брата говорила об обратном. "Вы не посмеете! Я же ваша королева!" – сказала я скорее себе, чем им. На что их главарь смачно харкнул в мою сторону и бросил: "Ты – шлюха, а не королева!".

Я стала пятиться от них и не заметила, что подошла к краю ущелья, глубиной метров в пять. Сделав ещё один шаг назад, я рухнула вниз и потеряла сознание. А когда я пришла в себя, то эти двое были уже рядом. В общем-то в чувство меня привёл пинок в живот. Задыхаясь, я стала ползти прочь от них. Тогда они начали меня бить и пинать. Я свернулась в комочек, пытаюсь защититься, в маленький, испуганный до смерти, дрожащий комочек, на который со всех сторон сыпятся удары. Потом им это надоело. Полуживую они перевернули меня на спину и разжали мои руки. Помощник главаря наступил мне на правую руку, держать сломанную

левую не было нужды. Ну а главарь начал рвать на мне одежду. Я пнула его, за что получила сильный удар под дых, от которого у меня всё потемнело перед глазами.

Я думала, что когда Мори брал меня силой – то это верх грубости и что хуже быть просто не может. Но нет, оказывается может, ведь мой муж не желал мне смерти тогда. А эти двое желали. Мне было очень больно, невыносимо больно, он просто рвал меня в клочья изнутри, а я ничего не могла сделать, никак не могла противостоять ему. Лишь кричала от боли и только ветер эхом разносил мой крик по этой замёрзшей пустыне. Я ничего не могла сделать, я осознала всю свою беспомощность и слабость. Как говорится, против лома нет приёма. Я не смогу это забыть, никогда не смогу! Эту раздирающую боль, эти отвратительные грубые руки на моём теле, этот животный ужас, это бесконечное одиночество и отчаяние – мне никто не мог прийти на помощь, все меня бросили – брат умер, сын предал, а муж обрёл на мучительную смерть в лапах этих страшных чудовищ.

Тогда я подумала о том, что если мои предположения верны, и я жду дитя, то в тот момент, в этой ледяной пустыне, я умирала не одна, а уносила с собою в могилу совсем невинное крохотное существо. Безграничная тоска наполнила моё сердце, мне было жаль это беззащитное, обречённое дитя, и раз на мне была хоть какая-то вина, то ребёнок страдал и погибал ни за что. Разве что за грехи своего отца, кем бы он ни был. Но, возможно, моё дитя было уже мертво – ведь те твари нещадно пинали меня по животу.

Когда первому головорезу надоело меня терзать, пришла очередь второго. Сил кричать у меня уже не было, я лишь молча плакала, опустевшими глазами смотря куда-то в пустоту. Я уже находилась где-то не там, а наполовину в неосязаемом мире теней, хотя, возможно, тогда я просто сошла с ума. Я лишь желала, чтобы это поскорее закончилось, мне стало противно моё тело, истерзанное и осквернённое. А ещё мне было холодно, очень холодно. Страх покинул меня, осталось лишь безразличие и боль. Тогда моя душа навечно замёрзла в тех льдах. Когда закончил и второй, главарь вогнал мне кинжал в живот, распоров его, вызвав новую волну невыносимой боли, поглотившей меня. Потом они уши, а я осталась медленно умирать, истекая кровью, в холоде и одиночестве.

Вслед за страхом стала уходить и боль, медленно отдаляясь от меня, оставляя во мне пустоту и морозный воздух, что проник в моё истерзанное тело, завладев им. Последним, что я увидела в своей жизни, было ясное зимнее, небо высоко над моей головою, беспристрастное и пустое, без единого облачка, светло-голубого цвета, А ещё мне очень хотелось пить в тот момент – хоть снег лижи, если б я только могла пошевелиться и дотянуться до него.

Потом я увидела, или даже скорее почувствовала всей своей сущностью, как меня окружает яркое, но не резкое, белое свечение, которое сделало меня совсем невесомой и подняло над землёю. Я ощутила невероятную лёгкость и умиротворение, словно бы с души моей свалился тяжёлый груз, и какого-то рода эйфорию. Я всецело отдалась этому свету, растворившись в нём, но всё ещё продолжая осознавать себя как личность. А затем, я увидела себя...

Так странно, когда видишь своё мёртвое тело со стороны, можешь разглядеть каждую деталь своего облика. Стоишь рядом с ним и не понимаешь, как же это возможно, хочешь дотронуться, но не можешь. Это совсем не похоже на то, когда смотришь на своё отражение в зеркале, всё по другому. Непередаваемое чувство разделения души и тела. Осознавать себя в одном месте, но созерцать в другом. И понимать, что назад пути уже нет.

А потом я увидела своего мужа. Мори был там – он стоял на краю ущелья и смотрел как эти двое по его приказу измываются надо мною. Что он чувствовал тогда? Радость от свершившейся мести? Неужели, та Тьма, что была в нём, окончательно взяла над ним верх? Не знаю. Но когда мои убийцы выбрались из ущелья, он уничтожил их, не просто убил, а именно уничтожил их тела и души. Мори не мог позволить кому-либо безнаказанно притронуться ко мне, ведь он считал меня своей собственностью, вещью, без права выбора и голоса.

Потом он спустился вниз, к моему искалеченному телу, и долго смотрел на то, что осталось от его жены. Он поправил на мне одежду, провёл рукою к израненному лицу, прикоснулся к родинке на груди, осторожно дотронулся до ужасной раны на животе. Мори снял с себя чёрный тяжёлый плащ и укрыл им меня, взял на руки, поднял на верх. Я не знаю, что он чувствовал тогда, не знаю. Его последние действия напоминали мне своего рода заботу.

Я смотрела на него, но он меня не видел, даже не догадывался о том, что я всё ещё здесь, рядом. Но тем не менее, я не чувствовала к Мори ни ненависти, ни отвращения, ни страха. Я не чувствовала уже ничего. Они изувечили не только моё тело, но и мою душу, надломали её, мне никогда не стать прежней. Но винить своих убийц в этом я уже не могла, у меня не было больше сил. А потом я ушла... Кто бы знал, как же я не хотела тогда умирать...

Позже нас с братом похоронили рядом друг с другом на нашей родине, в роще, что возле крепости, носившей имя Адриана. Тару часто приходил на наши могилы и подолгу говорил с нами, Только ни я, ни мой брат не слышали уже его слов. До конца жизни моего сына будет мучить совесть. А меня мучает память, потому что забыть всё это я не в силах. Даже время и смерть не исцелили эту рану.

Глава 8. Клинок в ночи

Меня разбудил яркий солнечный свет, льющийся из большого окна, расположенного слева от кровати. Голубые занавески с серебристыми цветами, вышитыми на них, переливались в его утренних лучах. Сегодняшний день выдался совершенно непохожим на вчерашний – тёплый и безоблачный, хотя и прохладный – поздняя осень всё же. Я решил поселиться в небольшой, но уютной комнате для гостей, на втором этаже замка. Здесь кроме кровати, шкафа с зеркалом, стола и пары стульев не было больше ничего, но мне этого хватало вполне. Всё таки, не привык я к роскоши и помпезным апартаментам. Одевшись, я направился в общую залу, где мы с Наргетом беседовали вчера возле камина. Войдя туда, я заметил, что полуэльф уже ждёт меня. Лицо его было хмурым. На мой вопрос: "Что его беспокоит?", он ответил:

– Не нравится мне здесь, всё тут пропитано ядом обмана. Полночи я пытался разыскать хоть какой-то намёк, на то, где спрятана корона. И всё напрасно: после того, как Наммтар открыл Портал с её помощью, она как в воду канула. Никто ничего о ней не знает или же просто молчат. Местные обитатели меня вообще настораживают – в лицо они улыбаются и лебезят, а за спиной шепчутся на непонятном мне наречии.

– Ну а ты думал, что они нам будут рады? – я оглядел собравшихся в зале придворных, в полном молчании поглощавших свой завтрак, под пристальным наблюдением моих солдат. Увидел Ольвина, старого кастеляна, сидевшего рядом с всё той же темноволосой юной девушкой, которую он утешал вчера. Её зелёные глаза покраснели от слёз, бледная, как первый снег, она уныло ковыряла в тарелке. Старик, сидевший рядом с ней, смотрел на нас исподлобья.

– Много времени утекло, – продолжил я, – и обитающие тут Анэру стали весьма от нас отличаться. Мы думали, что найдём здесь рабов, стонущих под гнётом тирана, а они, вроде бы, довольны своей жизнью.

– Проклятые прихвостни Наммтара! – заявил Наргет. – Может стоит насадить их головы на пики? Когда их хозяин придёт сюда с войском, это покажет ему всю серьёзность наших намерений. К тому же, вскоре каждый солдат у нас будет на счету, и охранять пленников будет просто некому.

Я всё разглядывал бледную зарёванную девицу, возле Ольвина, которую явно мутило. На её тонкой шее, на изящной цепочке, висела подвеска с крупным синим камнем. Я пригляделся к украшению, мне показалось, что я его где-то уже видел.

– Головы на пики? – возмутился я и взглянул на своего друга. – Что с тобой, Наргет? Мы захватили их дом, нарушили привычные им устои. Конечно, они будут недовольны. Разве можно их за это казнить? Посмотри: эти Анэру и так едва живы от страха, они не знают чего от нас ожидать.

– Я всего лишь предложил. – отозвался полуэльф. – Но кто будет стеречь пленных, когда армия их господина осадит дворец? И как поведут они себя тогда? Я думаю, что они перережут тебе и мне за одно, глотки во сне и бросят наши свеженькие трупы к ногам Наммтара.

– Нет, если они поймут, что мы не желаем им зла и уйдём отсюда, как только получим корону. А там пусть живут как хотят, мне нет до них дела, я хочу лишь спасти свою страну.

Встав из-за стола, я подошёл к пленникам и громко и ясно произнёс:

– Я понимаю, что вы мне не рады. И у вас есть на это веские причины. Но и у меня также есть основания быть здесь. Ваш король, Наммтар, принёс войну в мои земли. Я пришёл, чтобы остановить это. Мне нужна только корона Адриана, чтобы закрыть Врата, ведущие в мою страну. Получив её, я и мои воины уйдём, даю слово. Но получу я её по-хорошему или нет, зависит от вашего короля и от вас. Я не желаю вам зла, поверьте, но если понадобится применить силу и вырвать корону из мёртвых рук вашего господина, я это сделаю. И если вы не будете чинить мне препятствий, то вам нечего меня бояться – я вам не враг, поймите. Лишь

надеюсь на ваше понимание, и как жест моей доброй воли – снимаю с вас стражу. Теперь вы можете свободно передвигаться по дворцу, кроме занятых нами покоев, и вернуться к своим привычным делам.

Слова мои были встречены недоверчивыми взглядами и неуверенной тишиной. Пленники искали подвох в моих речах. Наконец, Ольвин поднялся на ноги и, обведя присутствующих глазами, молвил:

– Что ж, раз вы обещаете нам безопасность, то мы, в свою очередь, пообещаем, что не станем докучать Вам и вашим людям. Вот только знайте, Сударь, что предавать молодого короля никто из нас не станет и не просите. Если Вы убедите его отдать Вам мирно то, что Вам нужно – хорошо, но если будет война, преданности от нас не ждите.

– Надеюсь, ваш король – не дурак и до войны дело не дойдёт. – взмахом руки я отослал своих солдат прочь.

– Зря ты так! – буркнул Наргет.

Догнав, на выходе из зала, Ольвина я одобрил его храбрость и благоразумие, заверив, что он может безбоязненно высказывать мне своё мнение. И поинтересовался у него:

– Та девушка с тёмными волосами, что сидела возле Вас, часом не родственница Вам? – я надеялся заполучить ещё одного ценного заложника.

Старик напрягся, услышав мой вопрос.

– Нет, – отрезал он. – Она... Моя хорошая знакомая и просто служанка.

Он лжёт, понял я. Очередная тайна этого странного дворца.

– Быть может, ей стоит показаться лекарю? – донимал я кастеляна. – Уж больно она бледная. Мне не хотелось бы, чтобы здешние обитатели страдали.

– Оставьте её в покое, Сударь! Она просто устала и напугана! Простите, но ваши солдаты не отличаются хорошими манерами! Весь этот шум и суматоха доведут кого угодно!

Пожилой эльф небрежно поклонился мне и быстро зашаркал прочь. Я проводил его взглядом, размышляя о том, сколько же ещё загадок здесь повстречаю. И тут я вспомнил, где раньше видел кулон, висящий на шее девицы. Точно, он был изображён на картине, в комнате, на верхнем этаже. Это же та самая сапфировая подвеска с лапами, что была у матери Наммтара. Но зная глубокое уважение короля к памяти его покойной родительницы, я засомневался, что Наммтар стал бы раздаривать её вещи "просто хорошим знакомым" своего деда. Значит, эта юная особа явно играет в его жизни заметную роль. Нужно узнать только какую именно.

Мои размышления прервал Наргет, он был крайне встревожен.

– Прибыл один из отрядов, что отправились разорять Эрейвинг. – возбуждённо проговорил он.

– Алирий? Или Антарий? – спросил я.

– Ни тот, ни другой! Если я правильно понял: это третий взвод, что мы послали, вернее то, что от него осталось, и часть людей Алирия. Но, думаю, нам стоит расспросить их самих.

Мы с Наргетом покинули общую залу и направились к выходу из Крепости, у стен которой расположились вновь прибывшие воины.

Из двоих отрядов, в которых было почти семьдесят пять человек, вернулась лишь дюжина парней: семь из отряда Алирия и пять из отряда Роеса, а отряд Антария и вовсе исчез. Выжившие воины Алирия рассказали мне, как они пытались выволить из лап Наммтара Антария, но были разбиты и взяты в плен. Поведали они мне и о том, как юный эльф ценою предательства купил им свободу, его среди них не было, кстати. Значит, Наммтар знает наверняка о том, что мы ушли в Андэгар. Впрочем, он и сам без труда догадался бы об этом, но позже.

А вот подчинённые Роеса изложили мне не менее занимательную историю: их отряд шёл особняком от первых двух и чинил погромы на Западе Эрейвинга. Свернув с главного Тракта и направившись обратно, у самой границы Андэгара, они наткнулись на засаду из сотни солдат Наммтара, да ещё и с двумя жуткими псынами в придачу. Эльфов было лишь двадцать и то, что

эта пятёрка выжила и добралась сюда, не иначе, как чудом, назвать было нельзя. Хотя, скорее, это не чудо, а везение, вкупе с героическим подвигом Роеса, отвлекшего на себя большую часть вражьего отряда.

Когда-то Роес верно служил Наместнику Вайнору II, пока тот не сдал, и власть не прибрал к рукам его сынок Эвериг. Он ушёл в отставку, но так и остался лучшим мечником Страны Туманов. Вступив в бой с воинами Наммтара, Роес лично уложил их две дюжины, но и сам погиб от клыков гончих Ада. И пока псы терзали храброго воина, бывшего когда-то первым мечом Эльтамиры, под радостное ликование солдат Владыки Хаоса, пятёрке смельчаков удалость незаметно улизнуть и благополучно добраться до Андэгара. По пути они встретили, оставшихся в живых, воинов Алирия и вместе с ними прибыли в Крепость Адриана.

Мои воины скакали во весь опор, загнав до смерти лошадей, и выкраив новых, дабы как можно сильнее опередить армию Наммтара, идущую сюда. Но обогнали они её менее чем на сутки. И хоть огромное количество людей, идущих по неровному бездорожью быстро двигаться не в силах, но войско молодого короля было прекрасно обучено, а также хорошо знало местность. Мои воины насчитали около двух тысяч вооружённых до зубов солдат, среди которых были, помимо пехотинцев, лучники, копейщики и кавалерия. Также на повозках везли осадные орудия. Чувствовалось мне, что когда эта армия придёт к нашим воротам, скучать нам не придётся. Я пожалел, что подобное воистину незабываемое зрелище пропустят Алирий и Антарий.

Итак, войско, во главе которого Наммтара почему-то не оказалось, прибудет завтра по утру. А это значит, что у моих людей изрядно прибавится забот. Я порадовался тому, что снял охрану с пленников, которые мирно вернулись к своим делам – сейчас у каждого моего воина найдутся дела куда поважнее, чем сторожить стариков и женщин. Я развернулся и пошёл обратно в крепость, раздавать приказы и готовится к обороне. На это у меня ушёл весь остаток дня. Лишь вечером мне удалось передохнуть.

Закатное солнце озарило последними лучами хрустальные шпили Крепости Адриана, сделав их, на последок, кроваво-красными, словно бы предвещающими скорую жестокую бойню. А после пришли сумерки, укутавшие дворец и крепостную стену полумрачной дрёмой. Кипящая работа по подготовке замка к осаде стала потихоньку замирать – всё, что можно было сделать, мои воины выполнили. Я стоял возле окна в общей зале и любовался умирающим солнцем, когда ко мне подошёл один из моих солдат.

– Ворота закрыты, лучники расставлены по постам. – отрапортовал он. – Дозорные высланы, оружие и провиант подготовили. Мы полностью готовы держать оборону.

– Хорошо, – ответил я, не отрывая глаз от окна. – Закройте главные ворота замка и никого не выпускайте из него без моего согласия или дозволения Наргета.

Воин поклонился и собрался было уйти, но я окликнул его:

– Что там с поиском девицы? Вы отыскиали её?

– Нет, Милорд. – опустив голову промолвил солдат, – Мы обыскали всё вокруг, где она может быть, но не нашли её. Но поиски продолжаются.

– А вы смотрели на верхнем этаже? – спросил я. – Воин удивлённо посмотрел на меня:

– Нет, там же королевские покои! Что служанке там может понадобиться?

– И правда, – огрызнулся я, подивившись недалёкости моих подчинённых. Но солдат, похоже, не заметил моего сарказма.

Отпустив его, я вышел из общей залы и направился к лестнице, ведущей на верх. Поднявшись по ней, я долго блуждал по полутёмному коридору, освещая лампадой свой путь. А может, я ошибся? Что ей здесь делать? Ничего, если она, и впрямь, простая служанка. Но, коли

так, то зачем же ей прятаться? Мне было необходимо поговорить с этой девушкой и, если она та, кто я думаю, то Наммтар дорого заплатит за её свободу. Возможно.

Гостиные, кабинет и покои усопшего правителя были пусты. Подойдя к двери спальни молодого короля, я прислушался – было тихо, лишь пламя потрескивало в моей лампаде. Толкнув дверь, я бесшумно вошёл в комнату. Золотистые занавески, с зелёными листками на них, шевелил лёгкий ветерок, дующий из приоткрытого окна. В спальне было свежо и чисто, что удивило меня, ведь ещё вчера здесь царил жуткий беспорядок. Свитки лежали опрятной стопкой на комод, чёрные вещи в сундуке были аккуратно сложены, кровать была заправлена. А на ней лежала, уткнувшись в чёрный шёлк подушек и всхлипывая время от времени, та самая темноволосая девушка, которую безрезультатно разыскивали мои люди. Она не заметила моего появления. Тяжело вздохнув, девушка подняла голову с подушек и уставилась на меня мутными зелёными глазами, явно не понимая, откуда я тут взялся.

– Как твоё имя? спросил я, разглядывая её.

Девчушка была совсем юной, не больше двадцати лет, совсем ещё ребёнок, по эльфийским меркам. Худенькое маленькое личико с мягкими плавными чертами обрамляли длинные, до пояса, густые волосы, почти чёрного цвета. Одета она была в тёмно-синее платье из тяжёлой дорогой парчи с серебряными вставками, которое открывало хрупкие бледные плечи. Тонкие изящные ручки заканчивались длинными острыми ухоженными ноготками. Если бы глаза девушки не были красными и припухшими от бесконечных слёз, то её можно было бы назвать миловидной и даже красивой, не смотря на юный возраст.

– Прошу Вас, не трогайте меня, пожалуйста, не надо! – девушку пробила мелкая дрожь, она стала судорожно ловить воздух высокой полной грудью, было видно, что сейчас она опять расплачется.

Я приложил указательный палец к своим губам.

– Тссс... Не бойся! Я тебя не обижу. – сказал я, медленно приближаясь к ней.

Она недоверчиво взглянула на меня, но реветь не стала. Лишь крепче прижала к себе какую-то чёрную тряпицу. Девушка была такой хрупкой и бледной, что казалось, тронешь её – и она сломается. Я пригляделся к тому, что девица сжимала так крепко, словно бы эта вещь была её щитом. Ну да, ночная сорочка Наммтара! Я едва сдержал смех. Наивный глупый влюблённый ребёнок! Я шёл в этот мир, чая сразиться с кровожадным демоном, ожидая встретить здесь ненавидящих его сторонников, а не зарёванную девчонку, льющую по нему слёзы. Я усмехнулся. Старики и дети достались мне. И их жизнями я должен купить себе корону?

– Как зовут тебя, дитя? – я старался выглядеть доброжелательным.

– Селиния. – всхлипнув, ответила она.

– Ясно. Ну, и сколько же тебе лет, Селиния?

– Зимой исполнится двадцать.

Н-да... я угадал.

– Двадцать... – повторил я. – Ты же ещё совсем ребёнок! Я в твои годы только меч в руках держать учился. – завёл я пустую беседу, стараясь отвлечь девицу от нытья.

– Мы не в Вашем мире. – промолвила Селиния с тенью какой-то угрозы. – Здесь всё иначе – и время и эльфы. Мой король в четырнадцать лет стал править этой страной, а в двадцать пять завладел и Эрейвингом. В двадцать лет его мама стала королевой! Так, что я не ребёнок вовсе!

– Как скажешь. Ну, а сколько было матери твоего короля, когда её не стало? – поинтересовался я.

– Тридцать четыре...

– Действительно, здесь всё иначе. В Эльтамире Анэру живут веками, а в Светлых Землях можно жить и тысячи лет.

Селиния посмотрела на меня с тоскою.

– Это мир Смерти, здесь и ста лет бывает много.

Я решил перевести разговор в другое русло. Указав на подвеску на её шее, я спросил:

– Я видел эту вещь на картине, в комнате, что в конце коридора. Она раньше принадлежала матери Наммтара, не так ли?

Девушка молча кивнула.

– Почему он подарил её тебе? Он отдал этот кулон как плату, за твою любовь?

Селиния с презрением взглянула на меня, в изумрудных глазах промелькнула обида.

– Вы совсем не знаете Тару! Он любит меня, я знаю... – она помедлила. – Он всегда был добр ко мне... Я увидела Тару впервые, когда он вернулся с короной Эрейвинга. Мне было тогда почти двенадцать, отец только представил меня ко двору. Я помню тот день, как сейчас: запели громкие трубы, молодой король въехал в город, во главе великой армии, несущей его штандарты, верхом на вороном коне, закованный в чёрные латы, высокий и стройный. С плеч его ниспадал длинный чёрный плащ, а его прекрасные волосы, цвета осенней листвы, развевал весенний ветер. Я полюбила его с первого же взгляда, думаю, как и многие тогда. Я ловила каждое его движение, каждое слово, надеясь, что он посмотрит в мою сторону. Но он проехал мимо, даже не заметив меня, на устах его играла улыбка, в глазах полыхал сапфировый огонь. Тот день принадлежал ему одному. Но чего я хотела? Он был самым молодым королём в истории двух Стран, а я – я всего лишь дочь придворного лекаря.

А потом он уехал исследовать Эрейвинг, постигать тайны этой холодной страны. Я боялась, что он больше никогда не вернётся, останется на своей жестокой родине. Но всё же я ждала его, ведь любовь моя не утихала. Прошли долгие годы ожидания, и вот он возвратился назад, в Андэгар. По этому поводу устроили торжественный приём. Отец пообещал представить меня королю. Я долго подготавливалась к этой встрече, надела своё лучшее платье, зелёное, под цвет глаз. Все говорили, что я очень мила, как только что распустившийся подснежник.

Но когда я увидела короля, то почувствовала себя серой мышью – он был так высок и статен в своей необычной короне, молодой, но в то же время властный. Придворные дамы, подобно бабочкам порхали вокруг него, грациозные и надменные, разодетые в шелка и увешенные бриллиантами. Я корила себя за свои глупые несбыточные мечты. Ну кто я такая, чтобы он удостоил меня своим вниманием? Покраснев, я пустилась почти бегом вон из тронного зала, но по пути наткнулась на Марэка – лучшего воина королевства. От неожиданности тот выронил свой меч, который с ужасающим грохотом упал на пол.

Все оглянулись в нашу сторону, король в том числе. Мне было жутко стыдно, я желала провалиться сквозь землю, стать невидимкой. Но тут Тару подошёл ко мне и посмотрел на меня своими поразительными синими глазами. Я оцепенела от его взгляда, а он с интересом в голосе спросил: "И кто эта за прелестная юная особа, которая так ловко разоружила моего лучшего воина?". Я назвала ему своё имя, король же с нежностью поцеловал мою руку и добавил: «Такие опасные леди нужны мне!»

Селиния, вздохнув, наклонила голову на бок. Я не мешал ей, молча слушая её историю, пытаюсь по крупницам воссоздать образ моего врага, его характер, привычки и слабости. И, судя по всему, одна из его слабостей была как раз передо мной.

– После этого случая я некоторое время не видела моего короля. – продолжила девушка. – Но как-то раз, одним летним вечером, я спустилась в сад, что у задних стен замка, набрать лекарственных растений. И там я увидела его. Тару сидел на лугу, в окружении разбросанных сорванных золотистых цветов. Он пытался сплести из них венки, но ничего у него не выходило. Со злостью Тару отшвырнул своё творение и тогда заметил меня. Я подошла к нему и спросила дозволения помочь ему сплести венок, который, как оказалось, он хотел отнести на могилу своей матери. Мы долго сидели с ним в тот вечер и разговаривали. И я поняла, что он не только

красив внешне, у него прекрасная душа, он очень добрый, на самом деле, правда грустный порою.

"Добрый"? – подумал я. Сказала бы она это тем, кого прирезали прихвостни её драгоценного Наммтара. Ох уж эти женщины! Вечно любят тех, кого не надо.

– С тех пор мы стали часто видеться с Тару. Он даже несколько раз брал меня навестить могилы его матери и дяди. Много рассказывал мне о них. Я ведь родилась в год их смерти, спустя две недели, как их не стало. Говорил он и об отце и о своём детстве, проведённом в Эрейвинге. Всё же он странный: то улыбается и смеётся, то смотрит куда-то вдаль с такою тоскою, что аж сердце сжимается.

Порою я не видела моего короля неделями – он мог запросто засесть за книги или заниматься долгими непонятными мне магическими ритуалами. А когда заканчивал со своими делами, то разыскивал меня и мы вместе отправлялись скакать на лошадях по полям и равнинам. И при каждой нашей встрече Тару дарил мне цветы, белые розы с золотой каймою. Вы спрашивали про этот кулон, принадлежавший раньше королеве Элими? Он подарил мне его чуть больше года назад, когда в первый раз поцеловал меня в роще, на закате дня. Я не хотела брать эту подвеску, зная, чья она и как много значит для Тару. Но мой король настоял и сказал мне, что ранее её носила дорогая ему женщина и будет справедливо, что украшение это надену я, ставшая ему не безразличной.

Селиния взглянула на меня и всё же разрыдалась.

– Вы хотите убить Тару! Я знаю, он не отдаст Вам корону. Она слишком важна для него, ведь корона эта хранит Андэгар от уничтожения. Если Вы заберёте её отсюда, страна будет разрушена. Мой король не пойдёт на это, не пожертвует тысячами невинных жизней. Он не отдаст Вам корону, а значит, Вы убьёте его!

Девушка совсем разошлась, слёзы душили её, но она продолжала:

– Прошу Вас, не убивайте Тару, он хороший, пожалуйста! Я не смогу жить без него!

Я присел рядом с нею и приобнял за хрупкие плечи, убрал с них тёмные мягкие волосы, обнажив изящные ключицы, дотронулся до тонкой нежной шеи. Н-да, у Наммтара явно есть вкус – что-то всё же было манящее в этой девчужке.

– Я не собираюсь убивать твоего короля, если он сам не напросится, конечно! – заверил я Селинию, – Не нужно строить из меня бездушного деспота. Мне всего лишь нужно закрыть этот проклятый Портал, чтобы прислужники Зла из этого мира более не тревожили мои земли. – тихо, почти шёпотом говорил я. – Если твой король пойдёт мне на встречу и обратит вспять магию, удерживающую Врата открытыми, то я так уж и быть, не стану отнимать у вас корону Адриана. Вам она, явно нужнее. Но вот только, будет ли твой возлюбленный благоразумным?

Я провёл рукою по шелковистым волнам её волос, источающих цветочный аромат, взял её тонкую кисть в ладонь. Селиния напряглась и глубоко задышала, ожидая нападения. Вторую рукою я прикоснулся к её подбородку, приподнял лицо девушки и, заглянув в зелёные глаза, промолвил:

– Но раз ты здесь, в моих руках, твоему королю придётся принять мои условия. Или он будет носить цветы на ещё одну могилу. Белые розы, с золотой каймою.

В глазах девушки промелькнул страх, но вскоре он сменился злостью. Она дёрнула свою руку, пытаясь освободиться, но я лишь крепче сжал её. Мне даже показались забавными слабые попытки Селинии вырваться. Подобно маленькому зверьку, попавшему в силоч, она безрезультатно билась в моих руках. Сам не зная почему, подхваченный волной неведомой силы, я приблизил своё лицо к лицу девушки и с жаром поцеловал её в тёплые влажные губы. В ответ она сильно укусила меня, я почувствовал вкус собственной крови, текущей мне в рот. От неожиданности я ослабил хватку, и Селиния тут же этим воспользовалась – извернувшись, она всё же высвободила свою руку и с силой отпихнула меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.